

ТАЙНЫ ПАРИЖСКИХ МАНЕКЕНЩИЦ

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Memoires de la mode от Александра Васильева

Пралин Пралин

**Тайны парижских
манекенщиц (сборник)**

«Этерна»

Пралин П.

Тайны парижских манекенщиц (сборник) / П. Пралин —
«Этерна», — (Memoires de la mode от Александра Васильева)

Из всех женских профессий – профессия манекенщицы в сегодняшней России, на наш взгляд – самая манящая для юных созданий. Тысячи, сотни тысяч юных дев, живущих в больших и малых городках бескрайней России, думают всерьез о подобной карьере. Пределом мечтаний многих бывает победа на конкурсе красоты, контракт с маленьким модельным агентством. Ну а потом? Блистательные мемуары знаменитых парижских манекенщиц середины XX века Пралин и Фредди станут гидом, настольной книгой для тех, кто мечтал о подобной карьере, но не сделал ее; для тех, кто мыслил себя красавицей, но не был оценен по заслугам; для тех, кто мечтал жить в Париже, но не сумел; и для всех, кто любит моду! Ее тайны, загадки, закулисы этой гламурной индустрии, которую французы окрестили haute couture.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Пралин[1]	9
Часть первая	9
I. Сорванец	9
II. На побегушках	12
III. Художник-оформитель	16
IV. Война	24
V. Обучение	29
Часть вторая	37
VI. Дом моды	37
VII. Манекенщица	42
VIII. Ошибка	53
IX. Мишель	60
X. Бегство	70
XI. Летучая манекенщица	76
XII. Мисс Синемонд	82
Часть третья	92
XIII. Боевые будни	92
XIV. Нью-Йорк	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Пралин, Фредди

Тайны парижских манекенщиц

© А. М. Григорьев, перевод на русский язык, 2010

© А. А. Васильев, предисловие, фотографии из личного архива, 2010

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие к русскому изданию

Из всех женских профессий – профессия манекенщицы в сегодняшней России, на мой взгляд – самая манящая для юных созданий. Тысячи, сотни тысяч юных дев, живущих в больших и малых городках бескрайней России, думают всерьез о подобной карьере. Пределом мечтаний многих бывает победа на конкурсе красоты, контракт с маленьким модельным агентством. Ну а потом? Переезд в большой город, в Москву, пожалуй, работа на Неделе моды, участие в фотосессиях для модных журналов, приглашение в известный Дом моды. Вдруг повежет, и модельер станет шить новую коллекцию специально для Вас, и Вы станете звездой показа, фотографы будут ловить Ваши позы, повороты, улыбку, так редко, увы, теперь посещающую лица моделей. А на одном из таких звездных показов к Вам подойдет представитель парижского или миланского модельного агентства и предложит месячный контракт. Увы, деньги не большие, но шанс упустить никак нельзя.

И вот Вы, уже признанная в России модель семнадцати лет отроду, пройдя все административные формальности и получив шенгенскую визу, ранним утром приземляетесь в парижском аэропорту «Руасси – Шарль де Голль». Вас встречает негритянка или арабка из модельного агентства, отвозит на небольшую съемную квартиру, где живет уже молоденькая польская и юная шведская манекенщицы, и так для Вас начинается парижская жизнь.

Есть и другой вариант. В аэропорту Вас встречает молодой мужчина, один из совладельцев модельного агентства, и в роскошном автомобиле привозит на большую съемную квартиру, роскошно обставленную, там уже живут три девушки, молдаванка, украинка и сибирячка. И так начинается Ваша «не модельная» жизнь в Париже или, может, в Стамбуле?

Оставим первый, более скромный вариант. Девушку привозят на фотопробу к молодому фотографу. Если съемка будет удачной, есть шанс найти какую-то работу – от рекламы шампуня до скромного показа молодого начинающего дизайнера с Мадагаскара или из Ливана. Вы не говорите ни слова по-французски, а французы, как выясняется, не сильны в английском. Не беда, у Вас с собой русский мобильник, и Вы названиваете по несколько раз в день маме, иногда отправляете СМС-ки Вашему единственному Игорьку или Марку, плачете и грустите в этом самом Париже, которого не знаете, боитесь и избегаете. Вас неприятно поражает небрежность в одежде современных парижанок, Вы ищите глазами привычные силуэты тюннигованных блондинок на шпильках и в супермини в кафе и ресторанах. Их даже нет в ночных клубах, куда вы попадаете со своими новыми коллегами по профессии. Вас тянет на сладкое, а в агентстве Вам предлагают есть больше морковки, яблок и сельдерея. Уфф...

Но вот кастинг за кастингом, Вас начинают чаще выделять из манекенной толпы, которая в сезон коллекций в Париже составляет около 20 000 девушек, из них смогут заработать этим трудом на жизнь лишь 2 000 моделей, и только 200 избранных будут успешными, а 20 – знаменитыми. Контракт за контрактом, Дом за Домом. Вы внезапно становитесь фавориткой известного фотографа из *Vogue* или *Harper's Bazaar*, Вас букируют на показ в Милан, Токио, Нью-Йорк. Косметическая фирма предлагает Вам рекламную съемку на Маврикии или Багамах. На показах фотографы начинают Вас замечать, а публика внезапно аплодировать тем модным нарядам, в которых выходите Вы... Успех модели, кроя, цвета, формы, а может, и Ваш личный успех. Постепенно вы становитесь настоящей профессионалкой. Ваша походка обсуждается. Молоденькие, еще неопытные девушки начинают копировать Вас, и, как не странно, Вам меняют имя. Вы теперь не Людмила, не Даша, не Таня – Вы стали Сесиль, Ванда или Сибирь... Ой, сколько нового!

Постепенно Вы входите во вкус к профессии и начинаете оценивать Париж. После долгих и мучительных попыток начинаете с удовольствием есть устриц, отличая их по размеру и вкусу. Полюбите эскарго – виноградных улиток, а позднее и ракушки «було». Начинаете судить о

винах и шампанском, но в ресторанах заказываете себе только салаты и вареную свеклу, словно Ниночка Якушова в исполнении Греты Гарбо. Официант напоминает: «Мадемуазель, Вы не в поле, Вы в ресторане!» Но Вы за свое – фигурку надо беречь... она денежная, Ваша фигурка! И евро, и доллары начинают Вас радовать не на шутку... Вы постепенно овладеваете секретом снисходительной улыбки и из «русской буки», как Вас называли в том первом, маленьком парижском агентстве, куда попали три года назад, становитесь долгожданной феей подиумов. Знаменитое агентство берет за Вас большие гонорары, буккеры постоянно предлагают новое. И вот, Вам приходится заводить одновременно две квартиры: одну – в Нью-Йорке, другую – в Париже, и Вы мотаетесь по три раза в неделю через Атлантику на самолетах. Жаль «Конкорд» упразднили, быстрее было бы лететь!

В Россию удастся попасть только летом, для продления визы, потом и новые романы. Он старше Вас, но богат, у него трое детей от первого брака, но он щедр и аристократичен, бонвиван, одним словом. Сказочная жизнь! Жаль, что сказка так быстро проходит. Наступает возраст, когда работы становится все меньше, приходит новое десятилетие, и Ваш тип лица, увы, больше не в моде. Ищут брюнеток с карими глазами... а Вы блондинка 27-ми лет. Если не сложилась семейная жизнь, то Вы можете вернуться в Россию и преподавать в школе моделей или торговать в элитном бутике, а может стать и его управляющей. А может, Вам удастся написать блистательные мемуары, как это умело сделали манекенщицы середины XX века Пралин и Фредди! Удивительно, но их рассказ будет перекликаться с моим описанием среднестатистической успешной карьеры модели. Просто у них не было языкового барьера – они француженки – и не надо было делать два старта: один – в России, другой – в Париже. Уверен, что эти воспоминания Вам не только понравятся, Вы влюбитесь в них! Они станут гидом, настольной книгой для тех, кто мечтал о подобной карьере, но не сделал ее; для тех, кто мыслил себя красавицей, но не был оценен по заслугам; для тех, кто мечтал жить в Париже, но не сумел; и для всех, кто любит моду! Ее тайны, загадки, закулисы этой гламурной индустрии, которую французы окрестили *haute couture*.

Истории Пралин и Фредди схожи и различны. Схожи эпохой – обе работали в моде в 1940–1950-е годы, обе были успешны, востребованы, любимы. Огромный опыт человеческого общения, путь к успеху и подноготную подкладку моды они изложили на бумаге. Их воспоминания впервые выходят на русском языке в серии «*Mémoires de la Mode*», и они необходимы. Полное отсутствие подобной мемуарной литературы из уст манекенщиц, если не считать разрозненных журнальных публикаций, позволят нашим читателям, и любителям и профессионалам, узнать этот мир под иным углом зрения.

Узнать истории превращения грошовых мидинеток в королев красоты. Удача и упорный труд должны сопутствовать Вам! Эти воспоминания – прекрасная возможность погрузиться в закулисы великих парижских домов моды – Люсьена Лелонга и Жермены Леконт, узнать о начале карьеры Кристиана Диора и Пьера Бальмена, начинавших вместе, но создавших свои Дома порознь... Прекрасные картины Парижа тех лет, и всех городов и стран, куда нашим героиням довелось попасть с век пароходов, а не самолетов: Нью-Йорк и Голливуд, северная Африка и Скандинавия. Большое количество иллюстраций сделает приятное чтение еще и пиршеством для глаза.

А сколько полезных уроков вы извлечете из этих мемуаров! Чужой опыт прекрасен тем, что позволяет нам не набивать шишек там, где их уже набили другие.

Интеллектуальный уровень манекенщиц оставляет желать лучшего, это неоспоримо. Но, прочитав довольно легкомысленные воспоминания красотки Пралин, Вы будете приятно удивлены аналитическим складом ума Фредди, которая не только стройно излагает свою профессиональную жизнь, но и посвящает Вас в тайны копирования моделей *haute couture*, в мир шпионажа от моды. Очень интересны будут новые дополнения из истории парижской моды от ее

основания Чарльзом-Фредериком Вормом до середины XX века. Читатель узнает много новых имен, фактов, биографических деталей, и радости от чтения этих книг не будет конца.

Итак, приятного чтения!

*Александр Васильев,
Париж-Москва, 2010*

Пралин¹

Парижская манекенщица

*Близкой подруге
МАДАМ МАЗАРАКИС,
побудившей меня написать эти строки*

Часть первая

І. Сорванец

Быть может, я слишком молода, чтобы писать воспоминания? Но кто из нас знает, когда приходит эта пора?

Родилась я, похоже, в Вандоме, где прожила до шести лет. Особых воспоминаний не сохранила. Отец, занимавший пост на предприятии «Дебер» (чудный запах шоколада!), решил отправиться в Париж, где один из его дядьев предложил «положение с будущим» в Т.С.Р.Р². Там он работает и сейчас. Сначала мы жили у Восточного вокзала, потом окончательно устроились в Бурже. Бурж – это и есть моя родина! Главная улица с отвратительными мостовыми, состояние которых не улучшалось от гужевого транспорта, связывающего Париж с северными районами. Аэродром. Он на моих глазах расширялся, обрастал зданиями, посадочными огнями, наливался светом и собирал в дни героев-пилотов Коста³ и Мермоза⁴ шумные толпы пешеходов, множество мотоциклов и автомобилей, сбившихся в пробку, что отвлекало нас, местных ребятишек, от игр с веселыми воплями.

Некоторое время мы жили в хижине. Но наша семья была не без амбиций! Уже мечтали о небольшом доме, куда мы и въехали, когда мне исполнилось десять. Старая приятельница помогла приобрести его, хотя потребовались ежедневные жертвы. Мама пошла работать «к перчаточникам», чтобы не просрочить платежей, – сколько еще лет приходилось экономить! Но все же мы «у себя»! Каковы бы ни были палаццо и дворцы, где я позже бывала, «у себя» всегда будет этим одноэтажным домиком с четырьмя комнатами, небольшой лужайкой перед крыльцом и крохотным огородом позади, который мой отец, садовник от Бога, превратил в уголок наслаждений. (Какими вишнями мы там объедались!)

¹ П р а л и н (наст. имя Жаннин Саньи) (1923–1953) – знаменитая французская манекенщица эпохи *new look*, популярная в 1950-е г., трагически погибла в автокатастрофе. – Прим. А. Васильева.

² Общественный Транспорт Парижского Района. – Прим. пер.

³ Д. Коста и М. Беллonte 1–2 сентября 1930 г. совершили первый беспосадочный полет из Парижа в Нью-Йорк. – *Здесь и далее прим. вед. ред.*

⁴ Ж. Мермоза 11–13 мая 1930 г. совершил первый беспосадочный полет над Южной Атлантикой.

18 месяцев

5 лет, на свадьбе

10 лет, торжественное причастие

У меня два младших брата: Бернар, умница – куда мне до него! – немного молчун, и Жанно, младше меня на семь лет, «воспитанием» которого я горжусь – в то время, когда он едва выбирался из коляски! Каждый раз, когда мне хотелось поиграть в классики, я официальным тоном объявляла, что «отправляюсь прогулять Жанно». Как забыть тот день, когда, прыгая на одной ноге, я вдруг заметила, как коляска с привязанным малышом покачнулась и покатилась в сторону ру...

Я с воплем бросилась вслед. Коляска нырнула в воду, глубина семьдесят сантиметров. Жанно в какой-то растерянности трет глаза, но не ревет, а пыхтит... Местная мегера обругала меня и выдала папе, а тот в приливе справедливой ярости схватил меня, чтобы отшлепать по заднице... но просто подбросил в воздух, едва не плача от угрызений совести, что «плохо обошелся со мной»!..

Я поступаю в коммунальную школу в Курневе. Четверть часа ходьбы. Учительницы, быть может, еще помнят о «здоровой козе», полном ничтожестве в арифметике, хорошистке по французскому, середнячке в прочих науках (!), но любительнице пошуметь и устроить розыгрыш. Я прячу кроличьи лапки в парты соседок, а те, коснувшись их, начинают вопить.

– Кто принес эту дрянь? – спрашивает мадемуазель.

– Я.

Или мадемуазель отбирает у меня (десятый раз) тюбики губной помады, которую я называю ячменным сахаром.

Я переболела всеми детскими болезнями: свинкой, краснухой, скарлатиной. Меня оперируют, чуть не умерла (три месяца в больнице), когда проглотила гвоздь, который держала губами, пока мама прибавала к стене рамку. При этом крепко стою на ногах, благодаря конскому фаршу, которым меня потчуют, всегда готова играть в чехарду, в прятки, даже в войну, во все игры мальчишек и драться с ними, когда они дразнят меня за мои пристрастия: «Булочные закрываются, спички (мои худые ноги) появляются?»

Ноги служат, чтобы врываться во двор, лазить на чердак, крутить педали велика, их было много в моей жизни, и я буквально срослась с ними с трех лет.

Мама, я еще была малышкой, однажды повела меня вместе с теткой, мадам Пуссен, на какое-то дефиле в дом моды... Вот это да!.. Сказочные платья, восхитительные женщины, с показной небрежностью курящие сигареты... Мой крохотный мозг потрясен: «Мама, хочу стать такой же!»

Мать пожимает плечами. Манекенщица? Разве это профессия?! По крайней мере, для Саньи! А что скажет отец! Однако она прививает мне, девочке, любовь к тряпкам. Она будет одевать меня до двадцати лет. Ее страстью были обувь и плащи с капюшоном. По поводу шляпок у нее была масса оригинальных идей. Сколько раз я таскала старые отцовские рубашки и бабушкины платья, чтобы наряжать кукол и Жанно!

В день первого причастия, несмотря на то что в приступе благочестия точно знаю – облатка⁵ превратит меня в «другую девочку», я горжусь своим самым красивым платьем из органди⁶, украшенным старинными кружевами (увы, излишне коротком, ибо из-под подола торчат мои ноги). Платье взяли напрокат за большие деньги. Белое мне идет. Но этот цвет можно упрекнуть за то, что он требует постоянного ухода. Не помню вечера, когда не приходилось бы стирать, латать или чистить чулки или белые туфельки, чтобы они выглядели свежими.

⁵ Небольшая круглая лепешка из прессованного пресного теста, употребляемая для причастия по католическому и протестантскому обряду.

⁶ Очень тонкая жесткая прозрачная матовая шелковая ткань, выработанная мелкоузорчатым переплетением.

Я получила аттестат. Мне исполняется тринадцать лет. Чем заняться? Вести жизнь «маленькой светской девочки»? Мама склонна к такому варианту, ибо любит меня наряжать и часто отказывается от моей помощи в хозяйственных работах, чтобы не портить мои руки. Но у меня иной настрой. Видя семейные трудности, когда «надо откладывать» (три ребенка растут и рвут одежду!) на трехмесячный взнос:

– Мама, я хочу работать.

– Работай здесь.

– Я хочу зарабатывать, чтобы вносить свою лепту.

Тетя Пуссен⁷, о которой я говорила (не семья, а птичий двор! Мать, урожденная Коломб, потому отец зовет ее «своей голубкой»), начальница одной из служб на заводе Картье-Брессона в Обервиле, обратила внимание, что у Жаннин – это я – хороший почерк и грамотное письмо: «Устрою тебя в нашу контору!»

II. На побегушках

Увы, у Картье-Брессона не нуждаются в «писарях». Меня сажают перед машинкой для крепления уголков коробок. С половины восьмого утра до половины шестого вечера.

Я не раз падаю в обморок: «Эй, Жаннин, очнись!» После четырех месяцев работы я однажды, почувствовав себя плохо, обратилась (впервые) в медпункт.

– Лучше? – спросила меня медсестра.

– Да, – ответила я, припудриваясь.

Мне стало настолько лучше, что, пропустив обеденный перерыв, я ушла и заказала себе еду в бистро. И спокойно вернулась домой:

– С меня хватит!

– Что скажет тетя?

Мадам Пуссен обиделась. И дулась на нас три месяца.

– Я поищу что-нибудь другое!

Где? Объявления в *Paris-Soir* печатаются не для слепых. Газета выходит к шестнадцати часам. Надо приходить заранее, следить за появлением продавцов. Нас собирается человек пятьдесят: девушки с впалыми щеками, старухи, которые выглядят еще печальнее! Заглянув в рубрику «Работа», надо садиться в метро – я чаще вскакиваю на велосипед, – чтобы оказаться первой у работодателя. Странно, но, как бы я ни спешила, меня всегда опережают. Словно другие претенденты стовариваются с газетными торговцами! (Понадобились годы, чтобы это понять.) После множества неудач я наконец становлюсь «помощницей секретаря» в фирме пишущих машинок. Денег не платят, но дают уроки (редкие) стенографистки-машинистки. Два месяца на этом месте, и я ухожу, получив кое-какие зачатки секретарской работы.

Утром и вечером сажусь в метро вместе с толпой учеников и шутников.

– Бьюсь об заклад, ее зовут Николь!

– Нет. Сюзанна!

– Может, спросим?

– Мадемуазель, у нас пари, как вас зовут?

Я называюсь, едва шевеля губами, но в глубине души польщена. С ухажерами надо подождать.

И вот мне четырнадцать. Я выгляжу на шестнадцать и горжусь этим. Я смешиваюсь с толпой безработных, изучающих «Табло» на улице Шато д'О.

«...Личная секретарша... Явиться в 9 часов...»

⁷ В переводе с фр. «цыпленок». – Прим. пер.

Утром нас сто пятьдесят, за порядком следит полицейский. Меня сопровождает мама. Работодатель, импресарио, посредник по случаю, который явно интересуется... моими ногами.

Он берет меня на 800 франков и на следующий день объявляет:

– С вашими ножками я вижу вас скорее манекенщицей... или танцовщицей!

– Я секретарша, месье.

Несколько недель, пока длится наше сотрудничество, я слышу один и тот же припев: «Можете зарабатывать 1000 франков. Мы могли бы совершить небольшое путешествие...»

Ага! Притворяюсь, что ничего не понимаю. Но девчонка из Буржа вовсе не так глупа. Я с восьми лет обладаю знаниями в некоторых деликатных вещах. Еще тогда я узнала, что поцелуй в губы – источник всего, а главное, детей... особенно если обнимаешься и лежишь вместе. Приятели мне рассказали многое... хотя я ни в чем не уверена да и питаю к этому невероятное отвращение.

Господин Ремон славный человек. Он совладал с собой и через шесть недель заявил: «Малышка, вы стоите большего, чем прозябать у меня. У вас задатки стать “настоящей секретаршей”!» Даже малышкой я была ему крайне благодарна за возможность вносить в семейную кассу чудесные стофранковые банкноты!

Вынужденное безделье, я упрекаю себя. Потом становлюсь няней – да, няней! – у двух детишек по адресу Порт де СенКлу. Все было бы неплохо, если бы не тяжелые ночи. Родители твердо верили, что я работаю секретаршей-машинисткой, ночую в городе, чтобы не пересекать Париж каждый вечер... Мы были в сговоре с хозяйкой. Но я уставала. Слишком тяжелая работа: ломались ногти, трескалась кожа рук, и я их прятала от матери по выходным, когда возвращалась в Бурж под радостные вопли Жанно.

Что еще? Работа курьером, когда я весь день моталась по городу, перевозя пишущие машинки, и не всегда портативные. Другая работа – беготня по банкам для инкассации чеков. Представьте себе тощую клячу, продувную бестию (ее дела налаживаются) с сотнями тысяч франков в маленькой сумочке от *Lancel*⁸, которая съела все мои сбережения. (К счастью, тогда вооруженных ограблений было меньше, чем сегодня!)

С небрежным видом вхожу в шикарный магазин: «Сколько стоит этот пуловер? Можно померить этот жакет?» Невзначай приоткрываю хранилище банкнот. Иногда у меня даже бывает задаток... с которым готова расстаться с легким сердцем.

Туннель длиною в год, когда, немного отчаявшись, вынуждена заниматься маленькими «жанеттами», чтобы доставить удовольствие кюре Курнева⁹ (хотя не особо верю в Бога). Никакая не синекура¹⁰. Мы отправляемся с малышами в Луару или Уаз. Какая жара в июле! Тридцать мальчиков и девочек, требующих постоянного присмотра, с которыми надо играть, которых надо кормить и поить, содержать в чистоте, прятать от солнца и грозы и учить катехизису. Ощущение безделья. Мне скучно, папа пытается развеять меня, обучая после ужина вальсу и фокстроту.

Объявление на улице Шато д'О:

«Требуется помощница швеи...»

⁸ Модный дом *Lancel* был основан в 1876 г. Анжел и Альфонсом Лансель. Это был первый бренд для независимых, соблазнительных и интеллектуальных женщин, создающий для них вечерние сумки и дамские сумочки. Сегодня принадлежит престижной группе, специализирующейся на продаже изделий класса люкс – *Richmont*. Сочетают в себе инновационные технологии и многолетний опыт ручной выделки.

⁹ Работа в детском приходе в г. Курнев.

¹⁰ В Средние века церковная должность, приносившая доход, но не связанная с выполнением каких-либо обязанностей. Это слово стало нарицательным для обозначения хорошо оплачиваемой должности, не требующей особого труда.

14 лет, с ребятами из прихода

Я прихожу, и меня принимают на работу в Дом *Suzanne*¹¹ в старом квартале в районе Восточного вокзала. Ни с той, ни с другой стороны нет особого энтузиазма. Мать:

– Это тебе действительно нравится? Пойдешь?

– Все же это шитье!

Вовсе нет. Лишь грязная работа: подмести мастерскую, уложить пакеты, перетаскать их – и все время на ногах. Даже не дают петлицу прошить.

Швеи обращаются ко мне начальственными окриками:

– Ученица, подай булавки!

– Ученица, очисти это!

– Ученица... Я отвечаю:

– Меня зовут Жаннин.

– Твое имя нас не интересует.

Однако атмосфера мне нравится. Особенно когда с каким-то барахлом в руках я отправляюсь в *Шатийон-Мули-Руссель*¹² за образчиками или подборкой бархатов на улицу Этьен-Марсель. Меня манит запах с привкусом пыли магазинов, когда разворачивают рулоны тканей, неприметный аромат канифоли. Жесткие и мягкие ткани словно разговаривают с пальцами, волшебны красочные, как крылья бабочки. Так и хочется кричать: «Я часть этого!» (Этого мира шитья и моды, к которому стремлюсь.)

¹¹ Маленькое модное ателье в Париже в 1930–1940-е гг. – Прим. А. Васильева.

¹² Известный Дом тканей в Париже в первой половине XX в. – Прим. А. Васильева.

И конечно, посвящение в легкие нравы мидинеток, хотя разговоры не переходят за грань обычных пересудов. Большинство девушек постарше уже обзавелись Марселем или Жан-Пьером, которые вечером ждут у выхода. Одна из девушек, начав толстеть, покидает нас.

– Какую закалку она получила!

– Как ей теперь жить?

Комментарии впечатляют меня. Я нервно сжимаю корсаж вокруг растущей груди.

Набираюсь храбрости – демон отрочества! – показать всем, что добились права... танцевать. Родители подтверждают: «Верно». Семейные балы в округе у Сурда, в Бараке. Там по субботним вечерам и воскресеньям собираются все местные девчонки порезвиться и пофлиртовать под снисходительными взглядами мамаш. Моя выглядит совсем молодой – красивая, без макияжа, с тонкой талией, – многие принимают ее за мою сестру, лстя этим больше мне, чем ей.

Я тоже пользуюсь успехом. Мне нашептывают, что я мила и потрясающе танцую (спасибо, папа!), что я самая элегантная. Мы с мамой потрудились. Вскоре – бах! – я обзавожусь настоящим кавалером. Как он хорош! Его зовут Рене. Профессия? Она кружит голову всем – авиатор! Пилот! Из скромности умалчивает о своих подвигах, но звание старшего капрала, отлучки в некоторые вечера, несколько оброненных слов («Мое такси...», «Мой механик...») весьма красноречивы. Я сразу же влюбилась! Как же он заставит меня страдать, этот ловелас-подросток!

Ему всего девятнадцать; но в этом возрасте уже Гюнемер¹³...

У него есть друг Рауль, неразлучный спутник, в чьи обязанности входит подогревать страсти. Рене ухаживает за мной.

Он «любит» меня! Но не заговаривает о браке, что втайне беспокоит меня. К счастью, он не очень предприимчив, хотя вскоре добивается права поцеловать меня в губы, что едва не заканчивается рвотой.

Что я для него? Однажды замечаю у него на пальце... кольцо! Неужели женат? И даже не удосужился сказать мне! Я подумываю о самоубийстве. В следующую субботу его нет. Нет и в воскресенье. А должен был прийти... Ужасное беспокойство, которое лишь усиливается, когда Рауль показывает телеграмму:

«Отправился в испытательный полет. Думай обо мне...»

– Рауль, это опасно!

– Жаннин, он просит вас думать о нем.

Короче, этот красавчик Рене потрепал мне нервы – я даже пожелтела от злости, увидев его с другой девушкой. Я очень ранима, чтобы не испытывать боли, но слишком горда, чтобы упрекнуть его в измене.

У *Suzanne* для меня нет будущего. Оставаться на побегушках? Я, как говорил господин Ремон, достойна большего. В один прекрасный день я беру расчет.

Семья не ругает меня. Как же я люблю свою семью! Но по прошествии месяца бездействие начинает меня тяготить. Терзает мысль, что семье «в нагрузку» малыши, которые растут и требуют расходов, а мама вновь собирается идти работать!

В тот день я, вырядившись в маленькую принцессу-буржуа, сажусь в парижский автобус, обедаю в ресторане: «Надо выбиваться в люди!»

Прогуливаясь рядом с церковью Мадлен, застываю перед объявлением в витрине на улице Тронше:

«Требуется начинающая продащица, представленная родителями».

¹³ Г ю н е м е р, Жорж (1894–1917) – французский летчик-истребитель. Одержал 54 победы. Командир знаменитой эскадрильи «Журавли». Легендарный герой французской авиации. – *Прим. пер.*

А если войти?

– Я хочу это место.

Это бутик модельного мастера – и ткани, ткани! Хозяин, темноволосый мужчина с роковым акцентом, доброжелателен, мило улыбается: «У вас есть рекомендации?»

Господь вдохновляет меня: «Месье, я ищу работу уже долгое время. Если хотите, моя мать завтра придет к вам. Я делала то-то и то-то. Возьмите меня. Я в отчаянии».

Славный Сапорта¹⁴ взял меня на работу.

III. Художник-оформитель

У Сапорты у меня обширный круг обязанностей. Идет 1937 год. Платят мне, дебютантке, очень мало, но обещают небольшие подарки.

Единственная служащая. Хозяин командует и берет на себя «крупные продажи». Мне поручена повседневная торговля, а также подбор тканей, поэтому утром я появляюсь у торговцев шелком, тканями, лентами и роскошными пустяковинами. Меня знают по работе у *Suzanne*, но теперь я со страстью торгуюсь.

– Ну и хватка у этой малышки!

Я обедаю вместе с Сапортой (и очаровательной мадам). Я буквально слилась с делом и запомнила директиву хозяина: «Надо, чтобы женщина, зашедшая купить шляпку, ушла с отрезом ткани на манто».

Торговля превращается в увлекательное дело, когда ощущаешь себя энергичной продавщицей с хорошо подвешенным языком. Я вхожу во вкус, торгую выкройками, слегка полинявшими платьями, шляпками, залежавшимися в витрине. Покупатели меня знают; торговые посредники приходят ко мне, чтобы я не бегала по поставщикам, говорят:

– Не стоит утруждать такие ножки!

– Не волнуйтесь! У меня есть велик.

На этом велике я начиная с весны проделываю свои три лье из Буржа.

Я зарабатываю. Сапорта повышает мне зарплату на сто франков в месяц.

Среди основных клиентов множество милых «девчонок», фланирующих по соседству. Я болтаю с ними, они мне нравятся.

В мире всего хватает! Быть может, они... «расклеются» на моих глазах. (Проклятые болезни!!) А пока во время полицейской облавы я прячу парочку из них в туалете.

Субботы и воскресенья по-прежнему отдаются Бараку. Идиллия с Рене продолжается без изменений, что крайне бы удивило врача из предместий, которого цитирует автор романа «Влюбленные женщины»¹⁵: девственниц старше семнадцати не бывает. Доктор! Быть может, потому, что девственницы не нуждаются в ваших услугах! Я без всякого стыда остаюсь такой. И множество моих подруг! Наше примерное целомудрие зависит от целомудрия наших воздыхателей (они видят, с кем общаются), от наших дремлющих чувств (пробуждение будет только прекраснее!), а в моем случае – и от наставлений папы: «Малышка, теперь ты работаешь и вращаешься среди разных людей. Тебе надо ковать свое будущее. Если оступишься (понимаешь, о чем хочу сказать?), сама скинешь себе цену. Мужчины – свиньи. Берегись их, особенно обходительных. Стоит начать, как уже не остановиться. Так и покатишься по склону прямо до потаскушки. Стыд, нищета, больница. Твоя мать была настоящей девушкой. Хотелось бы и о тебе говорить те же слова».

¹⁴ Итальянский еврей, владелец магазина тканей в Париже. – Прим. А. Васильева.

¹⁵ Роман Г. Лоуренса.

Дорогой папа! Его откровенный урок, словно из других времен, звучит в моих ушах в минуту легкого искушения. Его подкрепляют предупреждения (по поводу болезней) молодого кюре, который некогда напугал меня скрытым намеком на «опасность потерять зрение» из-за кое-каких неосторожностей. Сам он был красивым мужчиной. Глаза его сияли как свечи. Единственный раз, когда он выслушал мою исповедь, я хотела признаться ему в своих псевдокриминальных мыслях. Один из его вопросов привел меня в ужас.

– Нет, нет, никогда! Нет, отец мой... И, словно по наитию, я придумала:

– Я украла десять франков у мамы!

В ту зиму пополз слух, что готовится большой конкурс на звание *Мадлон* четырех коммун: Дранси, Буржа, Бланшмениля и Курнева. Я прихожу в восхищение, которое тут же охватывает всех местных девушек. Но конкурсантки должны иметь обязательно «не менее шестнадцати лет» (мне еще нет и пятнадцати), быть «дочерьми ветеранов» (у папы званий хоть отбавляй), «быть красивыми» (вот так!..).

– Мама, записываемся?

– Наденешь свое платье в обтяжку из оранжевого плюша! Когда я появляюсь в мэрии, понимаю, что одним из моих болельщиков будет мэр: «Тебе всего четырнадцать, но думаю, тебя все же запишут».

Вскоре меня начинают считать одной из фавориток, а главной соперницей становится хорошенькая мадемуазель Симон, которой, быть может, не повезло, что ее не «представили».

Великий вечер. Конкурс проходит в Праздничном зале, заполненном отцами и матерями, братьями и сестрами, в присутствии жюри, которое возглавляет начальник авиации Буржа.

В зале множество людей со сверкающими галунами.

Я вытянула 23-й номер (это число станет для меня счастливым). Ощущаю свое везение, когда выхожу с цветами в руках, обтянутая платьем, которое подчеркивает (я уже не краснею) округлости груди. Борьбы не было – выбирают меня. Президент Союза ветеранов взмахом руки останавливает крики «браво»: «...Мадемуазель Жаннин Саньи... Дочь ветерана войны... Ее победа – успех для нее и для нас».

Какая радость! Больше! Я потрясена, тем более что в уголках глаз папы сверкают искорки. Все наши знакомые окружают его: «У вас красивая дочь!»

По громкоговорителю объявляют: «Наша *Мадлон* открывает бал!»

Вот так, запросто, с «президентом», за ним следуют – как я горда! – начальник авиационного лагеря, руководитель группы «Журавли», а потом множество галантных офицеров, которые спешат записаться в кавалеры. Рене нет. Тем лучше! «На задании», – предупредил он. Я уже не так наивна и предполагаю, что он попал в полицию. Кстати, он в последние дни довел меня. Я приревновала, но сумела совладать с собой! Нельзя опускаться до мужчин, особенно когда твоя грудь обтянута великолепным сине-красным шарфом, на голове красуется пурпурно-золотая шапочка и ты шествуешь по залу, словно королева среди своих подданных.

Мне вручают чек от кассы взаимопомощи: 300 франков, не пустяк! Также я получаю право на воздушное крещение. Это мне нравится меньше; и яставляю это право в лотерею, чтобы подарить маме новый шарф.

15 лет, Мадлон

Фотограф тут как тут. «Я» появляюсь в *Anciens Combattants* (газете ветеранов). Моя первая фотография! Я восхищена ею! Добываю три экземпляра, чтобы повесить в своей комнате, в салоне и бутике Сапорты, где радуются моему успеху.

В прессе Буржа, где у меня есть завистницы, успех скромнее, быть может из-за собственной оплошности. Показывая подружкам похожий на меня набросок в одном журнале моды, я неосторожно похвасталась: «И это я. Меня однажды попросили позировать. Меня уже знают в Париже». И мечтаю вслух: «Вы услышите о Жаннин до того, как мне исполнится тридцать. Увидите, я буду знаменита, как кинозвезда!»

Сейчас мне понятны раздражение окружающих и прозвище «хвастунья!», несущееся вслед, когда я, принаряженная и причесанная – положение обязывает, – сажусь во второй класс трамвая.

Конец Рене! Вот так! Он слишком разозлил меня: месье снова появился с другой. Чаша терпения переполнена! Теперь он встречает меня под руку, будто я влюбилась, с местным галантным ухажером. Рене пытается вернуться. Но я отворачиваюсь от него. Занятно! Несколько лет назад, находясь с мужем в Австрии, я получаю письмо из Инсбрука, которое переслали из Буржа.

От кого? От Рене, который любезно осведомляется обо мне и сообщает новости: женат, охранник, двое детей.

Как, черт возьми, он узнал, что я живу по соседству!

С удовольствием (невинным или извращенным?) я отвечаю ему, приглашаю к себе. Он приезжает – и выглядит неловким в темной форме. А я, в платье из красной чесучи¹⁶, спускаюсь навстречу по лестнице нашего палаццо, как Сесиль Сорель¹⁷.

И встречаю его с максимумом простоты и любезности. Он бормочет: «Ты! Ты стала такой! Быть того не может!»

Господин Сапорта, которому все уши прожужжали о моем вкусе, идеях, шике, говорит: «Будешь торговать у прилавка». Что соответствует новой прибавке в сто франков. Подобная обязанность вдохновляет меня. Быть может, я сделаю карьеру художника-декоратора. И снова окунаюсь в тонкость и богатство великолепных тканей, по ним физически схожу с ума, как сходят с ума некоторые мужчины от кожи девушки. Если они лежат навалом, они не очень красноречивы! Другое дело, когда на ткани есть складки, создается гармония тонов, каждая деталь подчеркивает волнующую красоту шелка, атласа, крепа, узорчатого штофа, тафты, переливающегося панбархата. Удивительные картины, хрупкое ежедневное достижение идеала – я страстно влюблена в ткани!

У меня прибавилось забот. Отныне бутик для меня – все. Уже нет часов ухода и прихода. Бесконечное удовольствие, когда клиентки останавливаются, пораженные выложенными тканями, когда слышишь присвист брата хозяина, задающего вопрос: «А кто раскладывает ткани?», и свой ликующий ответ: «Я!»

Никаких амурных увлечений с момента исчезновения Рене, но я ничем не отличаюсь от других.

¹⁶ Китайская материя из нескрученного шелка.

¹⁷ С о р е л ь, Сесиль (1873–1966) – знаменитая французская актриса «Комеди Франсез».

Сын владельца соседней студии, красавчик-блондин, ежедневно появляется словно по расписанию, чтобы выпить аперитив. Стараюсь оказаться на пороге. Мне нравится думать, что на него производят впечатление моя фигура, ниспадающие на плечи золотые волосы. Однажды он обращается ко мне:

– Месье Жильбер хотел бы сделать несколько ваших фотографий.

– Почему сам не спросит?

– Вероятно, робок.

Я не столь робка и даю согласие. Два часа утомительного позирования. (А ведь такой будет вся моя жизнь! Как не стать... натурщицей!)

Фотографии удались. Семья в восхищении. Жильбер приглашает на кофе. Он мне очень симпатичен. Однако в пятницу следует продолжение: «Завтра отправляюсь на уик-энд. Поедете со мной?» Уик-энд?! Вероятны последствия!.. Что сказать родителям? В голове слышатся наставления папы. Нет, я точно не поеду. Жильбер больше ни разу не взглянул на меня и не обратился ко мне.

Другое «приключение».

Однажды около пяти часов вечера замечаю юного аристократа, который бросает в мою сторону взгляды с противоположного тротуара. Сколько времени он простоял там! Он ждет моего выхода и храбро следует за мной по пятам. Сегодня у меня нет велосипеда, значит, автобус. Я тащу его за собой до моста Фландр, а потом и дальше, до Порт-де-ла-Вилетт. Направляюсь к автобусу 52-го маршрута.

Он не отстает.

– И как далеко вы меня увезете?

– Вы и так далеко зашли!

– Зачем я оставил машину на улице Тронше!

Я запрыгиваю в автобус. Он отстает. Хоть бы завтра пришел! Он приходит к семи часам.

– Может, на этот раз позвольте проводить вас до дому? Какая машина! «Хочкисс»!¹⁸ С радио и всем прочим! Его зовут Жан. Настоящий Месье! Любезный, веселый, уважительный, хотя чувствуется, что горит желанием стать иным. В Бурже я не решаюсь высаживаться у дома. Семья не поймет! А он! Наша «вилла» вряд ли впечатлит его. Когда мы проезжаем мимо больницы, я прошу остановиться:

– Здесь.

– Ваш дом?

¹⁸ Французская фирма по производству легковых автомобилей, выпускала продукцию высшей категории качества. Но после Второй мировой войны не смогла конкурировать с *Citroën* и *Peugeot*, и производство легковых машин в 1954 г. было прекращено, хотя выпуск грузовиков и военных машин продолжался до 1970 г.

17 лет, попытка показа автомобиля

– Да. Благодарю вас.

(Быть может, я дочь директора, хирурга!)

Небрежно попрощавшись, прижимаюсь к воротам, делаю вид, что звоню, моля небо, чтобы он не задерживался.

Через день мы вместе обедаем. На следующий день:

– Послушайте, Жаннин, может, проведем воскресенье вместе?

– Невозможно. Я обвенчана.

– И ваш жених не приходит вас встречать?

– Он служит в полку.

– Придется выбрать: он или я.

Неужели он думает о браке? Мое воображение разыгрывается. Такой благовоспитанный молодой человек! Богатый! А чем он, кстати, занимается?

– Ничем особенным. Пописываю стишки. Гуляю. Изучаю людей. Буду писать.

Я не знаю его фамилии и не осмеливаюсь спросить. Стать его любовницей? Никогда. Женой? Было бы сказочно!

Он вдруг отправляется в путешествие. Получаю телефонное послание:

«Вынужден на n-ное дней отлучиться. Надеюсь встретить вас по возвращении такой, как оставил... и так далее и тому подобное».

Служащий в спешке записал «n-ное дней», а я (надо же быть такой глупышкой!) прочла «99 дней»! Такая точность убивает меня. Уверена, Жан издевается надо мной!

Я плачу. Вижу, как рушится моя мечта. Как-то Жан дал мне номер своего телефона... Я решаюсь сказать в трубку:

– У меня есть только номер. Могу ли я узнать адрес?

– Авеню Мак-Магон.

– Дом господина Жана?

– Господина Жана де Б. Но сейчас он в отъезде.

Аристократ! Это поднимает его в моих глазах, наделяет короной! Безумная надежда, что!.. Уехал на 99 дней! Жан де Б. не для меня.

А главное, однажды блестящая актриса из театра на Бульваре, с которой я сдружилась, признается мне на генеральной репетиции, что вскоре выйдет замуж.

– За кого?

– За Жана де Б.

– Забавно! Она удивлена:

– Почему забавно?

– Просто так.

IV. Война

А война приближалась. Будучи беззаботной девушкой, я мало бы думала о ней (я уже тогда почти не читала газет), если бы отец в доме не служил рупором всех новостей в мире. Папа не занимался политикой, но в нашем «красном» предместье не пропускал собраний коммунистов, чтобы знать, что так тревожит этих людей. Он знает, что такое война, и считает полезной только борьбу за мир. Но с 1938 года, после истории с Судетами¹⁹, все задаются вопросом: а не посыплются ли бомбы на нас? И не станут ли нас травить газами? Когда мы получаем противогазы, я развлекаюсь, надевая свое устройство, похожее на свиное рыло, чтобы попугать Жан-Луи:

– Не шутите с этим, – повторяет папа. – Это слишком ужасно!

– Папа, расскажи про войну!

Воспоминания о 1918 годе срываются с уст ветерана-артиллериста, награжденного Крестом за военные заслуги, военной медалью. Он вновь собирается, как говорит, пойти в армию сержантом тяжелой артиллерии. Мы слушаем его разинув рты.

Через несколько месяцев, летом 1939-го, события ускоряются. Всеобщая мобилизация! Война идет, но свирепствует пока в далекой Польше. Говорят «странная война»! Но мы вплотную соприкасаемся с ней: мимо нашего дома по железной дороге идут эшелоны, часто останавливаясь на станции. Мы носим вино и еду парням, которые на минуту вылезают из вагонов для перевозки лошадей.

Отец ушел в армию в октябре, потом вернулся, но не демобилизовался. Позже он получает от Управления национальных железных дорог предписание на перевод на автобусные перевозки. В мае следующего года начинается настоящая война, и тут же поступают тревожные новости, в которые едва верится. Париж под угрозой оккупации! Господин Сапорта, еврей, не хочет пытать судьбу при нацистах и уезжает, оставив на меня все – подборку тканей, торговлю, как, впрочем, и бухгалтерию. Я буду отчитываться в конце каждой недели перед его шурином, который щедро оплачивает мою работу. Так продолжается недолго. В начале июня все летит кувырком. Оставшись в одиночестве в замечательном бутике, каждый день вглядываюсь в безоблачное небо над церковью Мадлен, затянутое тучами сажи, от которой надо оберегать светлые ткани.

¹⁹ Имеется в виду Мюнхенское соглашение 1938 г., подписанное 30 сентября премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Деладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини, о передаче Чехословакией Германии Судетской области.

18 лет, у Сапорты

Однажды вечером папа сообщает нам, что между армией и Т.С.Р.Р. достигнуто соглашение и служащие готовы спасти автобусы при условии, что, уезжая, могут забрать с собой семьи.

Сбор назначен утром 12 июня на складе Фландр. Надо учитывать тот факт, что возвращения не ожидается. Стоит забрать с собой все, что возможно, считает мама, и прежде всего животных – и любимых, и полезных, – а именно маленькую собачку, сучку Зору (которая вскоре принесет щенков), трех кроликов, двух кур, не считая семи канареек с запасами семечек. Кроме того, необходимые вещи. Мой багаж – мои платья. Я набиваю в чемодан штук пятнадцать, в том числе и наряд Мадлон, три платья напяливаю на себя – вот уж попотею в дороге!

Не буду рассказывать об исходе. Жуткие пробки на дорогах. Монтаржис вечером, в 12; Жьен-сюр-Луар на следующий день. Мы умираем от жары и жажды (бутылка воды стоит пять франков). Встреча с военным конвоем, который буквально осаждает наш автобус. Парни, узнав, что я стенографистка-машинистка, непременно хотят представить меня своему командиру. Тот любезно просит о помощи.

Конвой отстает от нас в Бюже (Коррез). Нас семь или восемь семей, мы находим приют в уютном владении. Но ни у кого в кармане ни гроша! Никаких вестей от папы, а это уже страшно!

Я – самая старшая. Надо зарабатывать на хлеб для семьи. Как? Я продержалась пять месяцев в Военном бюро, исполняя обязанности секретарши майора Д. (немного влюбленного в меня).

Все идет нормально, но мы живем впроголодь. (Моя единственная зарплата на четверых!) Жизнь проходит в печатании «секретных» писем и докладов, некоторые из которых мне приходится возить в город Тюль.

– Никому ничего не сообщать! Даже дома! Клянетесь?

Я восхищена своей ролью, уже мечтаю о сенсационном продолжении: шпионаж в пользу Франции – как Фейере²⁰ в «Марте Ришар». Двойной агент... Я справлюсь! Кокетливая, развратная, я буду сводить с ума немецких офицеров, чтобы добыть «документы»... Правда, случается, что шпионкам приходится спать с врагом – фу!

Наконец приходит весточка от папы. Полегчало. Он приезжает! Переживания от недолгой встречи. Он оставляет немного денег. Я ношусь на велосипеде по коррезским деревням в поисках яиц и муки. Близится конец лета. Письмо от Сапорты с просьбой вернуться в Париж «любыми средствами» и открыть бутик. Правда! Может, в Париж возвращается жизнь. Под бошами! Быть может, они и не так страшны. Моя истинная профессия вновь тянет меня. Мама одобряет мое решение. Мы собираем последние деньги, чтобы нанять большую машину, которая повезет всех четверых. Оплата – четыреста франков за каждого.

Разочарование! Послание Сапорты давно устарело. Его шурин получил письмо и от меня, где я рекомендовала одну из подруг в продащицы. Та устроилась на работу. Для поддержания дела (я замечаю на ней каракулевое манто) она собирается замуж и не хочет уходить. Я без ропота оставляю место за ней. Тяжелая зима. Почти нищета. Живем на жалкие крохи, которые продолжает получать папа. Выживаем... На брюквенной диете легко и отправиться на тот свет. Мы тоскуем по настоящей пище.

По вторникам и пятницам, зачастую в холод, ветер и снег, уезжаю с четырьмя приятелями по курневской школе на велосипеде. Направление – окрестности Бове, где мы посещаем каждую ферму, пытаюсь разжалобить хозяев. Если бы вы видели, как мы возвращаемся (75 километров пути): навьюченные как ослы, с заполненными багажниками и авоськами по бокам, которые нещадно царапают икры. Особенно тяжело, когда ветер дует в лицо. Нас заносит, прокалываются шины. Мы ждем, переминаясь с ноги на ногу и размахивая руками, чтобы не замерзнуть. Вновь садясь на велосипед, едва не разбиваю лицо.

Я хоть и девушка, но выносливости у меня хватает, а парни не отпускают меня от себя, тем более что я ценная спутница со своей порозовевшей мордочкой, когда (такое случается часто) немецкий патруль требует предъявить документы. (Нам вообще нужны спецпропуска.) Я играю в наивную девочку и рассказываю о трех маленьких братьях (одного добавляю). Нас пропускают, иногда даже дарят американские сигареты – откуда только их достают фрицы?

Запасы тают. А если снова начать читать объявления в *Paris-Soir*? Комитету Мермоза требуются продащицы. Я сразу соглашаюсь.

²⁰ Фейер, Эдвиж (1907–1998) – французская актриса, сценарист, прославилась своими ролями и долголетием.

Нас семь женщин-служащих под руководством красивой русской дамы, у нее отличные отношения с хозяевами. Хозяев двое, они живут на площади Сен-Жорж. Майор шестидесяти лет и красавец Ремон М., с которым я прекрасно ладила – за исключением ночей, как ему хотелось.

Комитет Мермоза собирает средства на создание в Дакаре филиала имени погибшего великого авиатора. Нам выдали книжки с двухфранковыми бонами, которые мы должны продавать (пятьдесят сантимов скидки). Мы разделили Париж между собой по округам. Дела идут неплохо. В 40 су нельзя отказывать человеку, ратующему за популярное имя. Однако в один прекрасный день, помню на «пятом» коммунисте, дверь распахивается, слышится брань, мне наносят удар ногой, и я отлетаю к лестнице. Мермоз был членом «Огненного Креста»²¹.

Исход в Коррез

²¹ Военизированная фашистская организация во Франции в период между двумя мировыми войнами. Возникла в 1927 г. как ассоциация бывших фронтовиков, награжденных боевыми орденами.

Золотая жила – это поездки, которые организует для нас комитет. Один раз Виши. Два раза Клермон-Ферран, Лион, Гренобль. Несколько раз группу возглавляет Ремон М. Документы у нас в порядке, никаких затруднений на демаркационных станциях. Останавливаемся в хороших гостиницах, приемы, иногда с шампанским, ослепительные праздники. Летом некоторые из этих поездок проходят на ура, а мы, фривольные воробушки, занятые своим делом, пока еще не имеем (в сорок первом) четкого понятия об ужасах немецкой победы и растущих бедах Франции. Все ухаживают за нами. Все смеются, пока не приходится говорить: «Лапы прочь!» Приятные и веселые подруги. Русская красавица окутана какой-то тайной.

Исход в Коррез

Как-то вечером она приглашает меня к себе (странно, гости сплошь мужчины!), после ужина замечаю, как приглушается свет и все укладываются на диваны; я спрашиваю, где укромный уголок... и сбегая.

Комитет распускается. (Выполнил ли он свою задачу?

И есть ли в Дакаре «филиал Мермоза»?)

Я снова оказываюсь на улице.

V. Обучение

Немного заработанных денег дают передышку на несколько месяцев. Семья чувствует благодаря папе, что решается исход войны. Однажды немцы уйдут. Париж снова станет Парижем, столицей моды. Любая сфера деятельности, не связанная с элегантностью, будет для меня неполноценной. Мне восемнадцать лет. Настало время пикировать на цель.

Фотограф Табар²² из *Marie-Claire*, встреченный мною в студии Тронше, как-то останавливает меня на площади Этуаль:

– Почему бы такой девушке, как вы, не поступить в дом моды?

– Я не очень люблю шить.

– Не портнихой. Манекенщицей.

Манекенщица! В этом слове сконцентрированы все мои устремления. Примерки, показ платьев, своя небольшая партия в концерте парижского великолепия! Боюсь, родители плохо воспримут эту идею. Манекенщица для их поколения равнозначна падшей девушке. Но нет! Я уже доказала свою мудрость. Манекенщицы Высокой моды (целить надо высоко!) образуют элитную касту. Могу ли я войти в нее? Одни амбиции не всегда помогают. Изучаю себя в зеркале: приятная мордашка, допустим; хороший рост, фигура... А манера носить туалеты? Мне делают комплименты. Но в королевстве слепых... Однако я чувствую, у матери есть вкус. Я его унаследовала. И ведь была Мадлон-37!

Табар посоветовал «ходить и представляться повсюду». Так и надо поступать: скромная и сдержанная осанка, туфли без каблуков, коротенький плащ, обычная юбка, плоская шляпка с вуалью.

С кого начать? Обложка модного журнала с очаровательным костюмом от Баленсиаги²³ гипнотизирует меня. Авеню Жорж V. Кабинет, перед которым расхаживают несколько продавщиц. Мертвый сезон.

– Я хочу увидеться с господином Баленсиага.

– С какой целью? Горло мое сжимается.

– Может, ему нужны манекенщицы?

– Его не беспокоят по таким пустякам.

Остается лишь удалиться. Пара девушек разглядывают меня, не скрывая иронии. Я настаиваю:

– А ты скажи!

– Наглости у нее хоть отбавляй!

²² Табар, Морис (1897–1964) – скорее метр современного искусства, чем фотограф моды. Был дружен с художниками-сюрреалистами Филиппом Супо, Рене Магриттом и Манном Рейем. Последний поделился с ним опытом экспериментальной фотографии – совмещение кадров, обратная съемка, выдержка при солнечном освещении, отсюда модели-миражи, образцы невероятной, воображаемой моды. Во время войны возглавлял фотостудию *Marie-Claire*.

²³ Баленсиага, Кристоаль (1895–1972) – испанский кутюрье. В 1919 г. открыл с помощью маркизы де Коза Торрес салон в Сан-Себастьяне. В 1931 г. его клиентками были члены королевской семьи. В 1933 г. совместно с Педро Родригесом открыл Дом моды Eisa в Мадриде, в 1935 г. – в Барселоне, в 1937 г. – в Париже. В 1950-е гг. его стиль был альтернативой *new look* К. Диора.

Появляется директор Дома, он же шеф-мастер (господин Атенвилль, которого позже я, как и все, буду называть Тантан).

– Вы не совсем в нашем духе.

Сквозь витрину вижу два волшебных создания, которые разгуливают в белых мехах с сигаретой в зубах. Третья в обычной блузке, но какая линия! Я еще далека от этого!

Господин Атенвилль:

– Поймите, вас еще нужно обучать. Надо, несомненно, перекраситься в черный цвет. И сделать шиньон.

И поскольку не лишен доброты:

– Примерьте на нее коричневый костюм.

Нет! Этот костюм мне не идет. Господин Атенвилль сожалеет, что дал мне надежду. «Не наш стиль». Я ухожу.

У Скиапарелли²⁴ на площади Вандом меня даже на порог не пускают. Стоило изложить просьбу, как какая-то женщина без лишних разговоров захлопывает дверь у меня перед носом: «Не наш стиль!»

Не больше успеха у Бруера²⁵, где одна сострадательная продавщица шепчет: «Жаль малышку... Она могла бы быть очаровательной».

«Могла бы!» Мне чего-то не хватает? Несомненно, раз и навсегда. Горизонт сузился! Я строила иллюзии. Я всего лишь жалкая девица с претензиями из предместий. Но не теряю надежды целых три дня.

«Лелонгу требуется начинающая манекенищица».

Как всегда *Paris-Soir*. Попытка не пытка! Ради чего! Однако... Лелонг²⁶, королевский дом! Я даю пинок под зад самой себе.

В роскошном салоне толпятся тридцать кандидаток с испуганно бьющимися сердцами. Смотр устраивает импозантное жюри. Седоватый мужчина, к которому каждый обращается с подобострастием, вдруг подает мне знак:

– Мадемуазель... Подзывает костюмершу:

– Наденьте на нее вечернее платье.

Волнение захлестывает меня, ощущаю себя неловкой и не в своей тарелке. Демонстрирую платье, руки болтаются...

Я понимаю, что услышу «нет, не то», уверена в приговоре: «У вас не тот стиль...»

Господин Лелонг три секунды разглядывает меня:

– Она нуждается в обучении. (Повторно!)

– Мы ею займемся.

²⁴ I С к и а п а р е л л и, Эльза (1890–1973) – французский модельер итальянского происхождения, создала свой Дом моды, первая открыла собственный бутик и заложила основы того, что в будущем будет называться prêt-à-porter.

²⁵ Парижский Дом моды, основан в 1928 г. Мари-Луизой Бруер, бывшей портнихой Дома «Сестры Калло». Прославился элегантным шиком и скромностью стиля. Закрыт в 1960 г. – *Прим. А. Васильева*.

²⁶ Л е л о н г, Люсьен (1889–1958) – французский кутюрье. В 1923 г. открыл свой Дом моды. В 1920–1930-х гг. стал одним из законодателей моды. Первым выпустил коллекцию готовой одежды в 1934 г. В 1937–1947 гг. президент Синдиката Высокой моды, бывший супруг знаменитой русской красавицы, княжны Натали Палей.

Русская манекенщица Варвара Раппонет в платье от Скиапарелли, 1943

Директриса отводит меня в сторону: «Вы понравились. Но сначала отправляйтесь на улицу Шоссе-д'Антен, 51. К господину Ренвиллю²⁷. От господина Лелонга». Куда меня посылают? Похоже, во второстепенный дом. Удача для меня! Мне показалось, что мои конкурентки были очень крупными. Без спросу беру у мамы туфли на высоких каблуках.

Господин Ренвилль доброжелателен, мило улыбается: «А! Вас прислал господин Лелонг? Отлично. Почему бы вам не быть той, кого я как раз ищу? Приходите завтра в три часа».

Я прихожу. Нас с десяток. Среди них я выгляжу... не самой безнадежной.

Короткое вступление господина Ренвиля:

– Девушки, за один день манекенщицей не становятся... Есть вещи, которые кажутся естественными, но им надо обучаться. Прежде всего – ходьбе.

Он смотрит на меня:

– Вот вы...

– Но я умею ходить!

– Можете показать мне свой плащ и платье?

Я, как мне кажется, с честью выхожу из испытания.

– Вы не умеете ходить.

– Мне говорили, что у меня красивая походка.

– Недостаточно хорошая здесь.

– А где я?

– В школе манекенщиц, которой я руковожу.

– Я не буду зарабатывать?

– Скорее немного тратить. Видя мое разочарование:

²⁷ Школа манекенщиц существовала в Париже до Второй мировой войны. – Прим. А. Васильева.

– Решите сами, стоит ли игра свеч.

Быстро и с невероятной уверенностью господин Ренвилль берет свой плащ и «показывает» его нам. Мы поражены!

Какая гибкость! Какая простота! Какой актер! Боже, воспользоваться – обязательно! – этими потрясающими уроками, даже если это будет стоить мне... из расчета трех раз в неделю... (У меня перехватывает дыхание от цифры в четыреста пятьдесят франков в месяц.)

Надо где-то заработать эту сумму – даже чуть больше!

(У меня будут расходы.) Провидение! *Paris-Soir* приводит меня к *Suzanne* и *Irene* на улицу Понтье.

Меня берут из любезности. Предоставляют свободу в нужные часы, чтобы я могла ходить на курсы. Двадцать работниц – одна из них я – трудятся в одной комнате. Я шью, как и остальные, а иногда – всем известны мои амбиции – показываю платья клиенткам (мадам Жорж Карпантье).

Но вся моя жизнь отныне проходит на курсах. Ренвилль подружился со мной и рекомендует приходящим фотографам. Уже польза! Прежде всего нас учат уверенности в себе:

– Чаще смотрите в зеркало. Скромно, но с гордостью. Повторяйте себе, что вы красивы и что это дар Божий.

На полу с полуметровым интервалом начертаны две линии:

– Привыкайте ступать между ними, слегка покачиваясь. Не переваливаясь, как индюшки!

Азбука макияжа:

– Немного сливочного масла в качестве фона. Яичный белок на лицо перед сном.

Я следую советам. Мама снисходительно шутит: «Дочь становится кокеткой!» (Она не знает, что это «профессионально». Я для нее продавщица, и не более того.)

– Не держите руки постоянно в перчатках. Следите за питанием!

Туалеты, которые я шью и представляю

И тихо добавляет:

– Ешьте кашу.

Всем:

– Держитесь «взрослее»!

Всем, чей рост на грани:

– Повисите на перекладине; добавьте лишние два сантиметра.

Советы по физкультуре:

– Ложитесь на спину. Вот так! Поднимите ноги и крутите педали. Изготовьте себе пояс на живот.

Красивой толстушке:

– Меньше хлеба, малышка. Вас подстерегает целлюлит. Укрепляйте мышцы. Надо вас потоптать.

И принимается ходить по ее бедрам и животу, не причиняя боли.

Хитрые приемчики:

– Клиентка спрашивает вас о цене платья. Что вы ответите?

– Я манекенщица, а не продавщица.

– Прекрасно! Именно то.

Месяц заполнен до отказа. Даже два. Никакой «частной жизни». Я отдаляюсь от приятельниц... они отсеиваются. Никакого флирта. Работа! Работа! Однако у *Suzanne* и *Irene* бывает прыщеватый посредник, впрочем вполне милый испанец! Однажды он уходит и вдруг возвращается:

– Забыл зонтик. Не передадите? – обращается он ко мне.

– Я не прислуга. Я манекенщица Дома.

– Мои извинения, мадемуазель.

Появляется на следующий день:

– Не могу ли в искупление оговорки пригласить вас на обед? В конце концов я соглашусь, отказавшись от крохотного ресторанчика, где едва утоляю голод (идет 1942 год) и трачу целое состояние. Манюэль приглашает меня снова. Но любовные приключения не для меня. Моя настоящая жизнь сейчас проходит в прихожей, она прелюдия к опасному испытанию, о котором думаю день и ночь.

Наконец, школа позади! 5 февраля. Ренвилль звонит Лелонгу.

Нас трое, три испуганных замухрышки в громадном салоне, где собирается тот же штаб. Пытаюсь узнать людей, надеюсь, кто-то подбодрит меня. Все сидят с непроницаемыми лицами. Прислушиваюсь, вроде слышу, что есть место, поскольку одну из ведущих манекенщиц назначили директрисой.

А вот и хозяин. Как он хорош! Какая властность! Какая осанка! Его одобрительный взгляд останавливается на мне:

– Ладно, попробуем ее...

Он подходит. Я начинаю дрожать:

– Не бойтесь, малышка. Представьте себе, что здесь нет никого. Забудьте обо мне.

Синее платье из органди, которое я буду помнить всегда (огромные розы на юбке)! Показываю его. Ощущаю себя юной девчонкой – не забыть приподнять запястья. Господин Лелонг:

– Смотреть остальных не надо. Она будет новичком коллекции.

Он произносит эти слова достаточно отчетливо, чтобы я их расслышала, все согласны с его выбором. И тут я начинаю рыдать, повторяя: «Меня приняли!»

Господин Лелонг:

– Что случилось, малышка?

– Простите меня, господин Лелонг. Я так натерпелась! А вы только что сказали... Меня взяли?

– На тысячу четыреста франков в месяц. Директриса берет меня за руку:

– Приступаете завтра.

Я благодарю, теряясь в словах. Выхожу на улицу как автомат и иду предупредить *Suzanne* и *Irene*. Меня поздравляют.

Вновь обретя право на полноценную жизнь в семье, не могу сдержаться:

– Все! Я работаю. Я манекенщица у Лелонга. Тысяча четыреста франков в месяц!

– Что ты сказала? – Отец едва не поперхнулся.

– Тысяча четыреста!

– Можешь оставить себе! Уходи! Манекенщица, на мой взгляд, это шлюха! Я воспитывал тебя для другой жизни. Проведу ли я ночь дома? Мама плачет, заставляет остаться. Жан-Лу тайком приходит ко мне, словно к прокаженной, и целует меня на прощание.

Утром, накинув плащ, держа в руке чемодан, где лежат мои «три шикарных платья», покидаю дом с болью в сердце, но ощущая счастье.

Часть вторая

VI. Дом моды

Меня часто спрашивают, как работает Дом моды. Я начинаю разбираться в этом, но не лыщу себя надеждой, что достаточно глубоко изучила хитрости «серaley»²⁸... который, впрочем, не является таковым! Манекенщица-дебютантка у Лелонга, я уже вступила на борт судна. Но только по прошествии многих месяцев ощутила способность проследить создание платья от первоначального наброска, именно он означает рождение, до его триумфа на плечах... американки.

Однажды кутюрье берет бумагу и делает рисунок. Обычно главный модельер – сам хозяин. Лелонг, располагавший хорошими мастерами-модельерами, умел спорить, улаживать разногласия, даже делать наброски. Редко случается, чтобы набросок мастера-модельера крупной фирмы отвергался с первого взгляда. Такой мастер уже личность. Чтобы занять свое место, он должен после окончания какой-нибудь школы сделать определенную карьеру, доказать, что обладает вдохновением. Обычно он переходит из второстепенного дома в другой, более крупный, и в каждом становится заметным. Даже добившись успеха, ему есть смысл менять место работы ради расширения горизонта.

Чтобы добиться действительного признания, его «идея» должна быть реализована. Иными словами, набросок передается в первую мастерскую, где он обретает существование в виде макета. Оккупация заставила использовать... грубое полотно, ткань, в которую заворачивали влажные куски масла.

В нормальное время макеты делаются из хлопчатобумажной постельной ткани.

Именно над макетами работает модельер вместе с первой мастерицей (а иногда и с манекенщицей). Примерки, исправления на исправлении... Иногда такая предварительная работа идет в корзину! Напротив, если макет удастся, модельер указывает ткань для воплощения идеи.

Ткань, которую надо выбрать из десятков и сотен образцов – от лучших производителей, – лежит на полках заготовительного цеха. Заготовительный цех, тайное убежище, куда я заходила выпросить кусочек ткани или одолжить отходы от кроя по случаю праздника Святой Екатерины²⁹. Начальник или начальница, властвующие там, играют важную роль, поскольку им поручены закупки (совершенные, полагаю, обычно в срок) и пополнение ассортимента. Небольшому количеству служащих этого цеха скучать не приходится.

После выбора ткани, своей для каждой модели, макет и ткань передаются в одну из мастерских. Сколько их? Как мне кажется, количество мастерских колеблется от четырех до девяти.

В каждой работают тридцать работников под руководством первой портнихи, которой помогает вторая портниха. Вся эта иерархия устанавливается от ученицы (девочки на побегушках, какой я была у *Suzanne*) до подручной и второй швеи; потом до первой швеи, которая мечтает стать второй портнихой («звание» у Эдит Пиаф в «Малышке Лили»³⁰).

Как восходят по ступеням? Не стоит верить в блат, «в лапу»... или подобное. Работница зарабатывает деньги, конечно, усидчивой работой, совестью и заслугами, я бы даже сказала –

²⁸ Дворец турецкого султана.

²⁹ Покровительница портных, в честь нее устраивались маскарады для сотрудников. – Прим. А. Васильева.

³⁰ Пьеса Марселя Ашара на музыку Маргерит Монно.

талантом! Подобная швея быстро выделяется среди остальных своим вкусом, умелой отделкой работы, неким личным шиком!.. Случается, если повезет, стать первой мастерицей в двадцать пять лет.

Примерка платья от Бальмена для пьесы Марселя Ашара «Малышка Лили» на музыку Маргерит Монно. Манекенщица Пралин и Эдит Пиаф, театр ABC, Париж, март 1951 г. (*Irfan View/East News*)

Швеи у Лелонга отмечают праздник Св. Екатерины. Пралин в центре

Первая портниха мастерской – не пустой звук! Лакомый титул, место, каких мало на рынке труда Парижа. Если хотите, оценим количество первоклассных фирм в пятнадцать домов, по пять – семь мастерских в каждом. Мастерские бывают двух видов: мастерские верхней одежды, где шьют костюмы, манто, спортивную одежду; и мастерские для пошива вечерних, коктейльных платьев, пляжных нарядов, шорт и т. д. Вторых мастерских примерно вдвое больше.

Платья наконец готовы! Пробил наш час, час манекенщиц. Собранные в кабине, большой или маленькой комнате, по четверо-пятеро, а то и по девять человек (Бальмен³¹, Фат³²...), даже по двенадцать (Диор³³ после войны), у Лелонга до тридцати, мы быстро раздеваемся, надеваем платья и переходим в студию. Это прекрасное помещение, иногда громадный салон для примерок, доделок, тщательной отделки, которые многие считают бесконечными, но они уже не кажутся долгими в опьянении красотой и совершенством.

³¹ Баль мен, Пьер (1914–1982) – французский кутюрье, начинал в Доме моды Л. Лелонга. Работал вместе с К. Диором и Молино. В 1945 г. открыл свой Дом моды, снискавший огромную популярность среди изысканной аристократической клиентуры, за что Бальмен получил прозвище «кутюрье королев». Кроме того, ему удалось создать новый образ активной, элегантной, независимой женщины.

³² Ф а т, Жак (1912–1954) – французский кутюрье, яркая фигура в моде середины XX в., снискал себе славу как своими моделями, так и громкими костюмированными балами. Его работы отличались смелым использованием цвета, изогнутым силуэтом и наличием мужских деталей. Ввел в моду «женщину-вамп».

³³ Д и о р, Кристиан (1905–1957) – французский кутюрье, в 1946 г. открыл свой Дом моды. В первой же коллекции 1947 г. создал совершенно новую концепцию *new look*, получившую всеобщее признание.

В кабине, манекенщицы со своей директрисой

Именно в студии модельер изучает, размышляет, ищет, комбинирует, день ото дня улучшая платье на покорной манекенщице... если только внезапно не передает его другой манекенщице. (Тут-то и наворачиваются слезы на глаза!)

Так выглядит показ коллекции, зимней коллекции, с 5 июля по 5 августа. Последняя дата и есть дата выхода в свет коллекции, которую вначале представляют прессе и иностранным покупателям (невероятные дни лихорадки, роскоши, славы), а через две недели демонстрируют клиенткам. Так продолжается до конца ноября, когда открывается показ летней коллекции, ее представляют с начала февраля до конца июня в том же порядке.

В отпуск мы уходим сменами, с конца апреля до начала июля.

Вечернее платье от Пьера Кардена, 1959

Я всегда говорю о манекенщицах «мы». Остальные службы вкушают отдых такими же волнами, но у них все регулируется дирекцией. Дом не закрывается никогда.

Я не говорила о продавщицах (их от пяти до десяти, иногда двадцать, и у каждой есть помощница), доброжелательных подругах, занимающих самые интересные рабочие места, где требуется такт, опыт, знание психологии. Ими управляет директриса, подлинная «хозяйка дома». Под ее властью и служба рекламы (у Бальмена три очаровательные девушки), разделенная зачастую на два отдела: американский и французский, чьи обязанности для меня теряются в небесах. Связи с журналами, агентствами, рекламными агентами, обмен опытом, запоздалые расчеты... либо оплата платьями, признаюсь в своем неведении... Коммерческий директор, который также парит в заоблачных сферах, знает об этом лучше меня.

Сложилось ли у вас представление – примерное, общее – об организации каждого из ведущих домов? Домов, которые представляют вам (таков наш случай!) от ста пятидесяти до двухсот платьев в коллекции!

Я забыла об отделе «Духи», который у многих (Шанель³⁴, Карвен³⁵, Ворт³⁶, Бальмен, Молино³⁷...) превратился в настоящую первоклассную фирму со многими отделениями, и прежде всего парфюмерной фабрикой.

Я забыла об инновации, ставшей ныне всеобщей, – о бутике, расположенном рядом с фирмой, где каждый владелец марки отныне продает платья второго класса или остатки коллекции, различные аксессуары, зачастую созданные для нее. Это перчатки, сумочки, шарфы, футляры, веера, клипсы, фантазийная бижутерия и прочее. Клиентки сходят по ним с ума, и они служат для поддержания реноме дома.

Сколько шестеренок! И все они пустяк. Лишь мертвая механическая часть, а жизнь в нее вдыхает один из небожителей, представителей французской элиты, рискну даже сказать, гениальных творцов, по праву заслуживших славу, сравнимую со славой наших лучших художников. Эти люди суть истинные парижане, живущие и дышащие духом столицы. Одновременно они – граждане Мехико, Каира, Стокгольма... Таковы наши дорогие и августейшие хозяева!

VII. Манекенщица

Дебют состоялся без особых происшествий. Директриса Лиза Бьерле взяла меня под свое крыло и представила другой модельерше, мадемуазель Кристине, а также первым мастерицам. Последние постарались отыскать платья (коллекция показывалась через две недели), соответствующие моему «типу красоты».

³⁴ Ш а н е л ь, Коко (наст. имя Габриель Бонер Шанель) (1883–1971) – французский кутюрье, начала свою деятельность в мире моды в 1909 г., открыв шляпный салон. В 1919 г. открыла свой Дом, став законодательницей мод в 1920-е гг. В 1921 г. представила свои знаменитые духи «Шанель № 5». Настоящий успех пришел во время Второй мировой войны, благодаря практичным и удобным моделям.

³⁵ К а р в е н (наст. имя Кармен Малле) (р. 1937) – французская создательница мод послевоенного времени, известна своими моделями для женщин небольшого роста, создала собственные духи *Ma Griffe*. – Прим. А. Васильева.

³⁶ Династия французских модельеров, основоположником которой был знаменитый Чарльз-Фредерик Ворт (1812–1895). Он успел передать дело сыновьям, Жану Филиппу (1856–1926) и Гастону (1853–1924). Именно под их влиянием во Франции начала XX в. развился стиль модерн.

³⁷ М о л и н о, Эдвард Анри (1891–1974) – французский модельер, в 1919 г. открыл свой Дом моды *Rue Royale* в Париже, очень скоро стал любимым портным звезд и знаменитостей, создал стиль *Deauville*. В 1927 г. создал первый аромат марки *Parfume Molyneux*.

«Тип юной девушки», у которой коктейльное платье «Марии-Зейнобии»³⁸, на мой взгляд, излишне подчеркивало мою грудь (как мне сказали, ее оценил сам господин Лелонг). Я немного стеснялась, хотя в кабине были только свои, натягивать на себя довольно вызывающие, как мне казалось, шорты. Примерка за примеркой пляжных платьев из полотна и небольших чепцов. Идет февраль, мы мерзнем, теснясь у едва греющих радиаторов.

Я показала свою первую коллекцию, не снискав ни славы, ни позора.

³⁸ Зейнобия царица Пальмиры. – Прим. А. Васильева.

Первое представление шляпки

Ее демонстрируют ежедневно. Много народа, известные личности, чьих имен я пока не знаю, фотографы, иллюстраторы. Множество женщин разных возрастов, у которых – в 1942 году! – нет иных забот, кроме элегантности. Ни одного мундира. Немцев мало, хотя иногда

появляется группка серых мышек, похожих на школьниц-прогульщиц, но они выглядят серьезными, словно на уроке. А! Вот и заметная женщина, к ней относятся с подобострастием.

Знаменитое платье «Мария-Зейнобия»

Она подошла ближе, чтобы рассмотреть мой купальный костюм. Это мадам Отто Абец³⁹.

Один человек неоднократно появляется на дефиле и возмущается моим дезабиле. Это, представьте себе, Манюель, с которым я часто встречаюсь, и наши отношения день ото дня теплеют.

Он обожает меня, а я не отвергаю его ухаживаний, только бы он не проявлял излишнюю... предприимчивость. Стоит мне только подать знак, чтобы стать его любовницей. Но папина дочка, хотя и изгнанная семьей (постепенно ее отношение ко мне меняется), нахальства не потерпит.

Вначале я получила убежище у Полетты Нигу на улице Фонтен, с ней работала в Комитете Мермоза. Потом меня «удочеряет» Доминик Франс (магазины белья на Елисейских Полях).

Я уже часто выхожу в свет, а что вы хотите! Каждый день открываются ночные заведения, где бываю с Манюелем или без него, ибо тот готов посадить меня под стеклянный колпак! Танцую, смеюсь, кокетничаю, быть может, становлюсь динамисткой, но не воспаляюсь! Впрочем, особенно не рискуя, как может показаться, ибо господа с положением, старающиеся вас соблазнить, болезненно боятся «девственниц». (Таково мое прозвище у Лелонга!)

Я ею остаюсь и готова кричать об этом во весь голос. Однако – вот невезение – я попадаю в немилость. Кристина озлобилась на меня: «У тебя манеры сумасшедшей! Отправляйся в кабину!»

В августовской коллекции я показываю всего два банальных платья, и не каждый раз. Платья не нравятся. Низведенная до ранга дублерши, я вяжу в своем уголке, расстроенная, униженная, переживающая потерю пресловутого «стиля», пока мои подруги красятся, расхаживают взад-вперед, переговариваются, выходят из кабины и возвращаются. Организуется небольшой конкурс «Элегантность на велосипеде». Велосипед – это мой конек! Я представляю Дом. Выигрываю Кубок. Никто, похоже, этого не замечает.

³⁹ А б е ц, Отто (1903–1958) – немецкий дипломат, с 1940 по 1944 г. посол Германии в оккупированной Франции.

Первый приз на конкурсе «Элегантность на велосипеде»

Господин Лелонг? Ему есть чем заниматься. И совершенно нормально, что он находится под влиянием своей модельерши.

Моей отдушиной на время становится Манюель.

Ноябрь 1942-го. Решительный поворот в войне. Но высадка в Северной Африке⁴⁰ волнует меня меньше, чем собственная судьба, печальный исход которой кажется мне неминуемым. Никакой «Свободной Франции». Однако это не мешает проведению в Лионе смотра всей французской моды, куда каждый крупный Дом должен прислать двух манекенщиц. Нужны высокая и низкая. Чудом становлюсь «низкой». Идея нового модельера, призванного заменить Кристину (та уходит). Некто по имени Пьер Бальмен.

Бальмена действительно мало интересуют модели, созданные не им, а унаследованное мною бело-розовое платье представляет собой нечто особое. Столь особое, что после лионской репетиции «халифа⁴¹ на час» оставляют меня за кулисами.

Еще одно разочарование. И какое! Ибо здесь весь Лион, очень похожий на весь Париж. Показ состоится после праздничного представления *di primo cartello* (Серж Лифарь⁴² и К^о).

Когда я возвращаюсь в Париж в отвратительном настроении, семья начинает осторожно сочувствовать мне: «Отец предупреждал тебя, – говорит мама. – Поганая профессия! В ней пробиваются только шлюхи!» Неужели правда? Хм! Не все мои подруги весталки. Я внутренне краснею: а я? К счастью, у папы (я привела с собой жениха) не совсем современные взгляды на жизнь! Манюэль великолепен, хорошо воспитан, по-настоящему влюблен, не скуп, осыпает меня подарками; водит в бистро за тысячу двести франков. Быть может, излишне ревнив. У *Dominique France* его не любят:

«Иностранец! Не станете же вы выходить за иностранца?!»

Семья оценивает жениха довольно высоко. Но папа инстинктивно недолюбливает «пингвинов»!

Наконец, приятный приказ:

– Жаннин, в студию! Остальные удивлены не меньше меня.

В студии ожидает Пьер Бальмен, который отправлял меня в Лион. Молодой, высокий, крепкий, красивая голова, веселый и динамичный здоровяк.

Рядом с ним еще один господин⁴³. Они разговаривают на равных. Этот мужчина чуть старше, заостренный нос, крепыш, брюнет с намеком на лысину, красивые глаза, очень мягкий выговор:

⁴⁰ Имеется в виду операция «Факел» – британо-американское вторжение в Северную Африку 8 ноября 1942 г.

⁴¹ Название самого высокого титула у мусульман, наместник.

⁴² Л и ф а р ь, Серж (Сергей Михайлович) (1905–1986) – русский танцовщик, балетмейстер, педагог. Работал в Русских сезонах С. Дягилева, после смерти которого стал его воспитанником. Возглавлял балет парижской Оперы, сочинил более 200 балетов, автор более 25 книг о балете. Основал Парижский институт хореографии (1947) и Университет танца (1957). Оказал огромное влияние на всю современную хореографическую культуру.

⁴³ Речь идет о Кристиане Диоре. – Прим. А. Васильева.

Ансамбль Дома моды Бальмена, 1957/1958

– Малышка, о которой я вам говорил.

Светлые волосы, рассыпавшиеся на блузке из белого полотна, облик юной девушки, похоже, им нравятся.

– Вы уже показывали коллекцию?

– Да, в прошлом году.

– Чем занимались с тех пор?

– Дублерша.

– Ходить умеете?

– Думаю, да.

Они кивают. Бальмен:

– Да, действительно! Я видел вас в Лионе.

Диор:

– Из нее надо что-то сделать.

На следующий день у выхода из студии ко мне подходит посетитель:

– Мадемуазель, мы заметили вас во время репетиции в Лионе. Считаю, что вы хорошо показываете.

Это модельер от Нины Ричи⁴⁴. У меня заходится сердце, неужели! Я такая скромная, меня...

– Сколько вы зарабатываете?

– Тысячу четыреста.

– Нина Ричи предлагает тысячу семьсот.

– Месье, я должна подумать.

Я вся в сомнениях. Ведь здесь с Бальменом и Диором...

Я поднимаюсь в студию, где сталкиваюсь со своим «врагом» Кристиной, пришедшей с визитом. Я не знаю, что делать:

– Мадемуазель, мне предлагают...

(Я всегда действовала ей на нервы.)

– Идиотка, влезай в профессию! Вроде не хромоножка, не безрукая. Разве здесь у тебя нет шансов? Сядь и не пудри нам мозги!

Я звоню к Нине Ричи и говорю, что Лелонг «гарантирует мне больше».

Январь 1943-го. Вот уже год, как я прозябаю в Доме! Летняя коллекция вызревает, ее покажут через месяц. Большинство манекенщиц Лелонга уже задействованы. Я немного взбодрилась... Что сделают для меня мои защитники?

– Пьер, я подумал о платье для малышки Жаннин.

– Забавно, дорогой! Я тоже.

Сеансы в большой студии, где снова властвует холод. Склоняясь надо мной или ползая на коленях по листам со своими набросками, Бальмен и Диор колдуют. Иногда к ним в качестве арбитра присоединяется Лелонг.

Сейчас, спустя какое-то время, эти недели превратились для меня в сказку. Представьте себе начинающую актрису, которую заставляют работать одновременно Деланнуа⁴⁵ и Карне⁴⁶.

⁴⁴ Модный парижский Дом, основан в 1932 г. Ниной Ричи и ее сыном Робертом. Мировой успех пришел после выпуска первых духов *Coeur-Joie* в 1946 г. Чуть позже духи *L'air du Temps* принесли Дому не только славу, но и колоссальную прибыль.

⁴⁵ Деланнуа, Жан (1908–2008) – французский режиссер исторических фильмов. Получил «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском кинофестивале. Наиболее известны фильмы «Собор Парижской Богоматери» (1956), «Двухспальная кровать» (1966), «Человек действия» (1967). В 1986 г. получил кинопремию «Сезар».

Диор задумал для меня платье «Сильвия» из черной шерстяной ткани с большим декольте, с лифом в обтяжку, красивыми складками, расширяющееся после бедер. Потрясающая линия!

Бальмен трудится над «Маржолен», черным прямым платьем, из-под которого выглядывает вышитый жилет из кремового атласа с цветочками по краям.

– Поздравляю! – одобряет господин Лелонг. – Это дитя вдохновило вас.

Сам хозяин, как и полагается, в последний час (таков обычай!) решает проблему «свадебного платья»:

– Также возьмем малышку.

Простенькое платье из белого сатина, застегивающееся на пуговицы сверху донизу. Шедевр вкуса!

Великий день! В четыре салона набилось две тысячи человек: три ряда стульев, а сколько стоячих мест!

Какой страх... и какие надежды! Я во всеоружии вот уже час в перегретой кабине, где звезды в руках швей, перчаточниц. Слышны слова:

– Я видела Пиге!⁴⁷

– Похоже, здесь Жак Фат!

Рисовальщики, художники, фотографы, первые портнихи, вооруженные булавками, вторые портнихи, шляпницы у зеркал. Напряжение растет, все в лихорадке. Я жду, ноги подкашиваются. «Первая» прошла, «вторая»... Меня оставили, чтобы заполнить первую паузу.

Я иду восьмой в платье Бальмена, его мягкое облегание придает мне силы. Советы господина Ренвилля: мелкие шажки без покачиваний; голову держать высоко, но без зажатости; улыбка, но не цепляющая. Спонтанные аплодисменты, одобрительные кивки.

Быстрее надеть платье «Сильвия»! Так быстро! Слишком быстро! Мне уже кричат:

– Пауза! Быстрее, малышка!

На этот раз аплодисменты кажутся более бурными. Слышу шепотки:

– Мила!

– Восхитительна!

– Хорошо сложена!

Возвращаюсь, задыхаясь от счастья. Господин Лелонг на ходу подмигивает мне.

Полчаса спустя, когда я надела «свадебное платье», происходит нечто странное! Ощущение мира и спокойствия. В кабине все столпились вокруг меня! Подружки невесты – им не надо завидовать мне, ведь на них платья из синего пике⁴⁸ с отворотами ярко-голубого цвета, а в волосах гнездо голубки – складывают руки на груди:

– Посмотрите! Как она очаровательна! Бальмен и Диор чуть ли не рвут на себе волосы:

– Почему мы не сшили для нее больше платьев!

Когда объявляют: «Невеста», я, возглавляя небольшой кортеж, вновь и вновь повторяю про себя советы Ренвилля, переступаю порог салона и перестаю видеть окружающее. У меня кружится голова.

В первом салоне стоячих мест бурные аплодисменты... Медленно шествую вперед... вскоре второй салон... Потом третий... Я в слезах. Как завершить это шествие? И вернуться? Я словно раздвоилась. Слышу только «браво», целый хор «браво». Тушь течет, слипаются веки. Наверное, я выгляжу уродиной! Никто ничего не замечает. Буря. Я замедляю шаг, забыла о

⁴⁶ К а р н е, Марсель (1906–1996) – французский кинорежиссер. В 1930 г. выступил ассистентом Рене Клера при съемках первого шедевра европейского звукового кино «Под крышами Парижа». Наиболее известный фильм – «Дети райка» (1945).

⁴⁷ П и г е, Робер (1901–1953) – французский кутюрье швейцарского происхождения. В 1933 г. открыл свой Дом моды, который специализировался на туалетах в романтическом стиле, элегантных театральных платьях и костюмах.

⁴⁸ Ткань с продольными рельефными узкими рубчиками или выпуклыми геометрическими орнаментами на лицевой стороне.

величественной поступи, боюсь упасть, запутаться ногами в шлейфе. Думаю о маме, сидящей в зале: «Мама, расскажешь папе, все нормально, я добилась успеха...» Потом мой мозг пустеет. Я на Небесах. И уже никаких мыслей!

На выходе попадаю в объятия господина Лелонга, он целует меня:

– Вы были превосходны! У вас будет своя коллекция!

Я убегаю в кабину, чтобы выплакаться, пока... пока целый час с четвертью мою дверь осаждают репортеры, рисовальщики Тушаг и Мург, директора журналов *L'Officiel de la Couture*, *L'Art et la Mode*, туча фотографов.

Приятельница доносит слова Пиге, только что сказанные Лелонгу:

– Ничего особого вы не сделали... Отдадите мне эту малышку? Те же слова произносит Жак Фат.

Лелонг непреклонен:

– Я держал ее в резерве. Она станет моей звездой.

VIII. Ошибка

Когда я утром явилась на работу, меня тут же вызвал к себе господин Лелонг:

– Мы ошибались, не дав больше платьев для показа. Ошибка Кристины. А Нина Ричи действительно предлагала вам тысячу семьсот? Вы их получите и здесь.

Когда я вышла, меня окружили подруги:

– Тебя уволили?

(Когда вызывает хозяин!..)

Я принимаю таинственный вид:

– Напротив! Костюмерша:

– Теперь Жаннин получит право носить все модели.

Вот оно, везение! Фотографы (некоторые уже влюбились в меня) не дают прохода. Они создают мне такую рекламу в прессе!

Последнее приготовление

Саад из *L'Art et la Mode* делает ставку на меня и публикует тридцать снимков в разных видах. За ним следует *Cover-Girl*.

В Доме завидуют, мама разоряется на журналах. Меня требуют для рекламы бижутерии, перчаток, сумочек. Художники вдохновляются моей фигурой. Тушаг, Боск, Пьер Симон и еще с десятков приглашают меня в свои мастерские. Я робко отвечаю: «Лучше приходите к Лелонгу». Они приходят, делают наброски. Я на седьмом небе. Приличные гонорары, кроме одного раза...

Один светский портретист заманивает меня в свою студию и начинает восхищаться: какая модель! Какие идеальные очертания! Греческий канон времен Перикла! Не хотите снять костюм, чтобы выглядеть еще лучше? Не решаетесь? Истинное дитя!

Он мстит, пичкая (!) меня во время трех длиннющих сеансов (хотя я затыкала уши)... казарменными шуточками: «Понимаете! Понимаете? Мы вовсе не так добродетельны, а?» Я, естественно, пошла на это испытание ради славы, ведь портрет писал мастер, но... и надеясь на приличное вознаграждение.

В последний день: «Дитя, мы не договорились о цене. У меня столько добровольных моделей... Но мне не хочется, чтобы вы попусту потеряли время». И протягивает мне свернутую шестнадцать раз банкноту. Я сую ее в карман. По крайней мере тысяча? На улице разворачиваю... всего сотня.

Я не сказала Манюелю об этом инциденте. Промолчала и о других. Я опасалась его стремления управлять моей жизнью. Испанец! Иногда он грубым голосом спрашивал меня: «Откуда явилась?» Стал приезжать за мной на площадь Мадлен. Все отдавало нарочитой «любовной связью», а я это ненавидела. Терпела лишь его появление, когда он в семь часов вечера распахивал двери студии: «Ее отпустят, да или нет?» В остальном он пока не выходил за рамки любезности.

Я превратилась в любимицу хозяина. И какого хозяина! Кем был тогда Люсьен Лелонг? Не только президентом Синдиката Высокой моды, где занимался добрыми делами (непростая задача во время оккупации), но и оставался неоспоримым мастером в профессии. Маленького роста, худой, но тщательно ухоженный, пахнущий духами, вежливость и стать настоящего сеньора. Его обожали все служащие. Они были готовы идти на смерть ради его улыбки, комплимента. Избегая фамильярности, обращения на «ты», он умел расположить к себе:

– Ходите, малышка. Меня здесь нет.

Робким:

– Вы красивы. Вы творите красоту. Именно поэтому вы на земле. Настоящим вознаграждением было, когда он во время позирования проходил позади вас и своей квадратной кистью касался бедер, чтобы «выделить талию». И все без задней мысли спрашивали:

– А он до талии дотянулся? Честь быть его фавориткой! Как я была ему признательна!

Какое уважение! И даже чуть больше... Представьте, он приглашал меня к себе домой, познакомил с дочерью Николь, студенткой медицинского факультета, и та тоже благожелательно относилась ко мне. Летом 1943 года коллекции не было. Но всюю шли показы в провинции. Как Лелонгу и его группе удавалось такое? Думаю, парижская мода ослепляла немцев. Мы всегда быстро получали необходимые документы. Никаких затяжек, никаких обысков и долгих ожиданий. Мы имели успех в Лионе, Туре, Бордо. Меня уже окружал небольшой ореол славы.

На сцене

Эти месяцы запомнились веселым времяпровождением в воскресные дни в компании с Доминик Франс. Обычно мы бывали в Иль-Адам, где перед нами распахивались двери гостиницы, которую держал один из ее приятелей. Вторая половина дня – на пляже в шикарных купальниках, загорая, играя в волейбол или слушая пластинки. Купалась мало. Я всегда противилась обучению плаванию, хотя все наперебой спешили научить меня.

Отъезд из Буржа на авеню Матиньон

В то лето мы вчетвером совершили настоящий подвиг: проехали из Парижа в Биарриц на велосипедах за четыре дня. Оцените среднюю скорость! Три недели фарниенте⁴⁹ на берегу океана, которого я еще ни разу не видела.

Горжусь ли я таким подвигом? Никогда не забуду, что за время оккупации мои прекрасные «каррары» (ибо у меня украли три таких велосипеда) были моими верными друзьями, которых не обменяла бы даже... на окорок!

Мы продолжали светскую жизнь. Ночные заведения, кино, театры. Я носилась по ночному Парижу, черному как топка печи, на велосипеде, который оставляла (всегда побаиваясь лишиться его) в каком-нибудь проходе. Чаще всего на велике приезжала и в Бурж, где вновь обрела дом. В костюме или меховом мантио, в модной шляпке, я неслась вперед, не обращая внимания на шуточки и комплименты.

Наступила осень. Лелонг решил готовить февральскую коллекцию. (Что будет в 1944-м?) Мною занимаются Бальмен и Диор. Но еще больше внимания оказывает хозяин, вдохновившийся на десять платьев из двадцати, которые я буду представлять.

Летняя коллекция стала триумфом для Дома, и, осмелюсь сказать... для меня. Вспоминаю придворное платье из розовой парчи с длинным шлейфом. Пришло мое время стоять в окружении консилиума первых портних, перчаточниц, меховщиц, следящих за каждой мелочью. Невероятно быстрая в одевании, как и в раздевании, я продолжала затыкать дыры в дополнение к своим эксклюзивным обязанностям. Я вновь была «невестой», стыдливой... и уже пробужденной. И долго ею оставалась.

Искусство Лелонга! Хроникеры могли бы написать об этом целые тома. Одному Богу известно, через руки каких талантливых модельеров я прошла! Но, наверное, никто не одевал меня лучше Лелонга. Сдержанный творец, противник любого вызывающего шика, он был гением пастельных оттенков, коричневого, бутылочно-зеленого и зеленого цветов. Ему не нравились противопоставления красок. Но он оставался современным, не держал в узде своих модельеров, чей дар хвалил, без нажима влиял на них, сдерживал, вдохновлял, давая пример чудесных творений, которые никогда не выходили из моды.

Можно удивляться, что накануне высадки⁵⁰ заботы маленького мирка, в котором я вращалась, не изменились. Историки свидетельствуют, что Париж гордился тем, что продолжал свою привычную жизнь даже под угрозой смерти. Театральные залы не пустели, несмотря на воздушные тревоги. Заказывались пьесы. Тогда состоялось открытие Руссена⁵¹. Продолжались танцы (втихую) на вулкане!

Боши!⁵² Стало хорошим тоном их ненавидеть (ведь их уже здорово потрепали), хотя знаю, в 1940-м многие без ужаса рассматривали возможность стать немцами. И даже лучше – «европейцами»! У нас дома (у меня их было два) их ненавидели. Манюель, хоть и испанец, не раз приводил меня в дрожь, ворча «грязные боши!» в кабаре. А мой отец был истинным патриотом! Он регулярно в семь часов слушал BBC, и его глаза загорались, когда говорили Мари⁵³, Шуман⁵⁴. Он не входил в Сопротивление. Знал ли он, что это такое, будучи совершенно

⁴⁹ Счастья-ничего-не-делания (*фр.*). – Прим. А. Васильева.

⁵⁰ Имеется в виду операция «Оверлорд», или Высадка в Нормандии, – операция союзных войск по высадке во Франции, начавшаяся рано утром 6 июня 1944 г. и закончившаяся 19 августа 1944 г., когда союзники пересекли реку Сену.

⁵¹ Руссен, Андре – известный французский драматург.

⁵² Парижское название немцев. – Прим. А. Васильева.

⁵³ Мари, Андре (1897–1974) – французский политический деятель, премьер-министр в 1948 г.

аполитичным? Однако, когда однажды утром обнаружил в нашем саду экипировку парашютиста, сказал: «Бедняга! Надо его отыскать, накормить, спрятать!» Он провел скрытные поиски в окрестностях, но никого не нашел.

У Доминик Франс одна молодая женщина приводила иногда своего приятеля, то блондина, то брюнета, то с бородой, то без бороды, то в очках, то без, который не приходил на свидания, исчезал, возвращался. Только после освобождения я узнала, что он герой. Как-то вечером, когда нас всех пригласили в Перигор⁵⁵, он уехал на роскошном открытом автомобиле. Боши! Я уже говорила, что мир моды почти не считал их слишком враждебными. Когда немцы встречались в ночных кабаках, они не приглашали меня на танцы, поскольку рядом был ревнивый кавалер. Но как-то ночью, когда Манюеля рядом не оказалось, меня пригласил на танец юный парень, красивый как Бог. Он был в штатском, но только после слов мадам Доминик Франс я сообразила... кто он. Тем хуже!

Но когда он во второй раз с поклоном пригласил меня, я отказалась, сославшись на усталость.

Я сказала ему, чем занимаюсь. На следующий день на авеню Монтень меня ждали корзина цветов, замшевая сумочка, шелковые чулки, сигареты и флакон духов *Bourjois*.

И записка:

«Я имел честь познакомиться с вами. Вы одна из чистых французенок. Я прекрасно понимаю ваш отказ. Буду всегда хранить память о вас...»

И подпись: *Отто*.

Я не буду говорить о некоторых поездках в свободную зону, состоявшихся прошлой зимой. Во время одной я посещала свою тетку в Пюи-де-Дом и имела все документы. Вторая поездка была тайной. Ее организовали ради передачи удостоверения личности одному еврею (тайный переход границы в окрестностях Мулена, три часа барахтанья в глине и километр бега, вдвое согнувшись позади изгородей. Больше такое не повторялось!). Усиливались бомбардировки. Тревоги меня развлекали, в отличие от многих приятельниц, буквально впадавших в истерию. Те бросались в бомбоубежища и были правы. А я ненавидела эти провонявшие селитрой подвалы, где можно было запросто утонуть или быть похороненной, как крыса. Большую часть воздушных тревог я проводила у окна, насмехаясь над беглецами, любуясь вспышками ракет и взрывов.

Высадка не остановила Париж в его пристрастиях к развлечениям. Но семья запретила мне по ночам возвращаться домой в Бурж на велосипеде. Пришлось садиться в метро до Порт-де-ла-Вилетт (конечная остановка, 23.30), а оттуда топать пешком семь километров, иногда вместе с попутчиками, иногда в одиночку, если только не удавалось вчетвером поймать последнее такси. Случалось пропустить роковой час, полночь, но без особых происшествий. Однажды ночью подозрительные часовые остановили нас около Форт д'Обервиллье и потребовали отсутствующие пропуска. Пока мои спутники объяснялись с ними, я укрылась в темноте и, крадучись вдоль стены, попыталась уйти, но, когда уже считала себя спасенной, раздалось «Халът!»... Я плюхнулась в грязь, услышала, как взводят затвор винтовки. Выстрел (полагаю, в воздух!). Ползу и прячусь в каком-то огороде. Колени в крови. Стоит ли упоминать о порванных чулках, запачканном платье из фая⁵⁶. Я пролежала три часа, уткнувшись носом в грязную

⁵⁴ Ш у м а н, Роббер (1886–1963) – французский и европейский политик, премьер-министр. Был арестован немецкой оккупационной администрацией в 1940 г. за сопротивление политике нацистских властей, сидел в тюрьме, бежал в 1942-м и участвовал в движении Сопротивления. Позже министр иностранных дел Франции. Один из основателей Европейского союза, Совета Европы и НАТО.

⁵⁵ Местность во Франции, славящаяся своими старинными замками. – Прим. А. Васильева.

⁵⁶ Шелковая ткань с мелкими поперечными рубчиками, образующимися из-за разницы в толщине нитей.

ледяную ботву, пока боши прочесывали авеню. Они могли бы похвастаться тем, что сумели уложить меня на брюхо! На рассвете, уходя от них, я наткнулась на наших полицейских. Они довели меня до дверей дома. Мама, ждавшая меня до часа ночи, не сразу открыла дверь.

Но уже в девять часов ровно я, прихрамывая и с перебинтованными ногами, села в автобус, идущий в Париж. Чулки и платье были защиты, выстираны и отглажены мамой.

Случится ли августовская коллекция? Союзники накатывались на Францию, как прилив! Что выживет в Париже? Дом был наполовину открыт. Из любви к искусству продолжались показы летних костюмов в присутствии четырех кошек. Облегающее платье «Париж» из черного бархата, с обнаженными плечами типа сирены, с тремя крупными голубыми песцами и шляпкой из черного фетра (не был ли разворот к стилю женщина-вамп?). Изящный костюм «Париж – Нью-Йорк». (Какой вызов!)

Манюель стал несносным. Тиран, наглец, он оскорблял меня за столиком в присутствии друзей. Несомненно все более и более влюбленный, он заявлялся в Бурж, к семье, когда от меня не было вестей более трех суток, а такое случалось.

А когда находил:

- Знаешь, в твоей стране нормальные женщины говорят, что ты загуляла.
- Плевать.
- Потому что они больше не видят тебя со мной?
- Гулянки... с немцами, вероятно?
- Помолчал бы!

Середина августа. Бронетанковая дивизия Леклерка⁵⁷ находится в нескольких часах хода. Всю ночь слышны ужасные взрывы. Днем бомбардировки. Начинаются уличные бои. Всю неделю провожу то у Доминик Франс, то у Лелонга, где в конце концов решают закрыть Дом. Потом освобождение, провозглашение победы – чересчур рано – по радио.

Манюеля все эти дни нет! Я разозлилась на него из-за сцены, которую он учинил чуть раньше на обеде у Доминик Франс перед одним из своих испанских друзей, очень красивым парнем, похожим на Иисуса Христа из-за своей бороды.

25 августа. Триумф де Голля. Поверьте, я две недели не решалась вернуться в Бурж из-за грязных сплетен, ходивших обо мне! Вновь встретила с Манюелем. Он вернулся из Биаррица! Что за выходка! Зачем он туда ездил? Когда мы садимся играть в бридж, я различаю (у меня тонкий слух) шелковистый шорох в его кармане. Терпение, малышка! Мне вскоре удастся порыться в его пиджаке – без угрызений совести.

«Дорогой Манюель,

Я тоскливо ждала вас... Какое впечатление осталось у меня от того великолепного вечера!...» И так далее и тому подобное.

Больше он меня никогда не увидел.

Напрасно он плакался в жилетку папы, напрасно часами расхаживал перед домом Лелонга. Хозяин – он его не терпел – неоднократно спасал меня (девочки не раз предупреждали меня!), охраняя, увозя, переодевая и гримируя. Сажал в свою «симку»⁵⁸ и быстро уезжал, накрыв меня одеялами, шальями, шарфами!

⁵⁷ Л е к л е р к, Филипп Мари (1902–1947) – дивизионный генерал, маршал Франции (посмертно). 24 августа 1944 г. его танковая дивизия первой вошла в Париж и оказала помощь восставшим парижанам. Погиб в авиационной катастрофе.

⁵⁸ Французский автомобиль марки «Фиат».

IX. Мишель

Как случился этот прорыв? Еще никогда господин Лелонг не был столь очарователен. Я уже не «служащая», а почти «дитя Дома», которой звонит Николь: «У нас лангуст. Ждем тебя!» Хозяин увеличивает мне зарплату, одалживает свою машину. У меня нет постоянного дома. Фирма предлагает оплачивать мне жилье. Нет, это слишком! Одна из подруг приводит меня к себе на обед в Нейи. За столом парень, пилот Королевских ВВС (бедняга Кристиан Мартель, он недавно разбился!).

И Софи Демаре⁵⁹ со своим тогдашним мужем Фруассаном. Я заговорила о квартире, сказала, что именно ищу.

– Послушайте, Мартель, может, сдадите вашу в субаренду Жаннин?

– Ей нужно? Вот ключи.

Улица Жан-Мермоз в двух шагах от площади Этуаль.

Элегантная и хорошо меблированная гарсоньерка, где я за смешные деньги прожила несколько месяцев. Немножко странная квартира. Мартель признается, что он не «настоящий съемщик». Повсюду валяются курительные трубки, флаконы с духами и прочая парфюмерия. Не всегда они лежат на одном и том же месте. Мне казалось, что стоит мне отвернуться, как тут же появится сожитель. Понятно, что мои дружеские взаимоотношения с хозяином плодят слухи. Правда, при мне повторять их опасаются! Все знают, что я выпущу когти!

Дела потихоньку идут в гору. Пресловутые американцы, чью щедрость нам хвалили, пока занимаются другим, а их жены еще не прибыли.

Благословенный отдых – господин Лелонг организует для нас троих поездку в Монте-Карло. Встреча со Средиземным морем, которое мне позже придется бороздить вдоль и поперек. «Отель де Пари». Господин Лелонг дает нам несколько банкнот, чтобы побаловаться в рулетку.

Я проигрываю на 5. И на 23! Не везет! (Как не везет и в любви!) Однако ближе к полуночи я соглашаюсь стать амулетом одного богатея, перед которым вскоре растут груды фишек и пластинок.

– Более ста тысяч! – шепчет мне Мод Фейдо.

Каковы обычаи? Может, следует подождать?.. Но достаиваюсь только поцелуя руки.

После ссоры с Манюелем все мои друзья пытаются избавить меня от одиночества.

Как-то на ужине я встречаюсь с испанским художником Карлосом. Он только что закончил декорации пьесы, которую все хвалят, – «Наташа» в театре «Ла-Брюйер».

– У нас есть один парень, – говорит он, – но какой парень! Хотите с ним познакомиться?

Почему бы и нет?

Шотландское платье от Лелонга, черный лакированный пояс, тканые чулки, обувь из крокодиловой кожи.

Карлос оставляет меня в вестибюле:

– Пойду за билетами.

Возвращается, хохоча:

– Знаете? Он сказал... что не очень доверяет. Действительно, я однажды вечером представил ему одну... но это было не то. И он сказался занятым.

– Я ухожу!

⁵⁹ Демаре, Софи (р. 1922) – французская актриса театра и кино, снялась в 44 фильмах. Фильмы «Жизнь вдвоем» (1958) и др. Автор воспоминаний (2002).

– Не глупите!

Удар в сердце, как только он выходит на сцену...

– Нет! Что, это он?

– Что «он»?

– Он играл в «Романсе втроем»⁶⁰ с Гравэ⁶¹ и Блие⁶².

Мы наносим ему визит в антракте. Я попалась. Он легко передвигается по уборной в своем бирюзовом халате. Улыбка с ямочками на щеках:

– На этот раз, думаю, освобожусь.

Вечер заканчивается в «Армориаль»⁶³. Мишель не только красив, но и ловок в обхождении.

Карлосу:

– Пригласите ее на танец.

Когда возвращаюсь на место, в ведерке с шампанским дюжина красных роз (язык цветов!).

– Вам нравится?

– Мне еще больше понравилось бы...

– А именно?

– ...потанцевать с вами.

Какой апломб! Или я немного пьяна? Вальс. Как он вальсирует! Надо же! Около часа в его объятиях. Нас наконец замечают. Аплодисменты... тихие, потом громкие со стороны американцев. В три часа ночи мы даем нечто вроде спектакля.

Обмениваемся номерами телефонов. Жду звонка весь следующий день. Молчание.

Тихо и на следующий день. Никаких вестей целую неделю. Я в ярости. Еще ни один парень так не поступал со мной...

Ты ли это, Жаннин? Поверите ли, но я унижаюсь и возвращаюсь как-то вечером в театр «Ла-Брюйер», покупаю откидное место, где, увы, меня почти не видно! Ничего удивительного, что он меня не замечает. Идет снег. Он не помеха, и я отправляюсь к артистическому выходу, чтобы удостовериться, что он уходит один.

Он выходит вместе с Пакитой Клод, партнершей по пьесе, и директором Эрбером⁶⁴.

Даю себе клятву порвать с ним.

Через двенадцать дней – двенадцать дней! – звонок от Мишеля. Беззаботно спрашивает, не поужинаю ли я с ним.

– Увы, занята.

(А была свободна.)

– Тогда завтра? Подходите прямо к театру.

Конечно, я прихожу! Ужин в «Перроке», скромный, утонченный. Обволакивающая речь. В беседе несколько намеков – без напора – на обожаемую им семью: отец, известный врач, мать, красавица аристократического рода.

Смеется:

– Мой дед говорил, что наша родословная – через графов Тулузских – восходит к Карлу Великому. Похоже на шутку?

⁶⁰ Фильм Роже Ришебе (1942).

⁶¹ Г р а в э, Фернан (наст. фам. Мертен) (1904–1970) – французский актер, много играл на сцене и в кино, был ведущим актером французского отделения компании «Парамаунт».

⁶² Б л и е, Бернар (1916–1989) – французский актер, играл в театре, но большую карьеру сделал в кино.

⁶³ Ресторан в Париже.

⁶⁴ Э р б е р, Жорж – французский театральный деятель, импресарио. – Прим. А. Васильева.

«Сын знатной семьи!» Великой семьи! И при этом есть деньги, ибо снова угощает шампанским. «Редерер»!.. Забыть!

Кое-какие надежды возвращаются, когда Мишель, расплачиваясь, говорит метрдотелю (который, похоже, хорошо его знает), что он на мели («Не было времени заскочить в банк!»), и оставляет в залог часы.

Так начинается наша идиллия. Мишель с самого начала покоряет сдержанностью, отсутствием настойчивого напора.

Он относится ко мне иначе, чем к другим! Его ухаживание, нежное и почтительное, словно предназначено для удовлетворения желаний героини Делли⁶⁵, какой я себя считаю.

Он не говорит в открытую о браке, но не увильчивает от ответа, когда я... Опасаюсь противодействия его близких. Мать, пришедшая однажды навестить его в уборную, была любезна, сделала мне комплимент по поводу костюма из коричневого велюра с вышивкой старым золотом, позволила мне проводить их до двери дома, но не сказала ничего и ничего не сделала, чтобы укрепить мои надежды.

Мы видимся каждые два-три дня. Завтракаем или ужинаем вместе. Болтаем. Раскрываем свои души. Он мне нравится все больше и больше от встречи к встрече. Похоже, чувство взаимно.

⁶⁵ Псевдоним Жанны и Фредерика де ла Розьер, авторов сентиментальных романов. – *Прим. пер.*

После работы, с Мишелем

Новый год. Радуюсь, что встретим его вместе.

– Зайди за мной после спектакля.

Воскресенье, утренний спектакль. Я прихожу в 18.30, и мне говорят... что он только что ушел. Я жду его почти целый час.

Что случилось? Я в печали отправляюсь в Бурж, где родители и не ждали меня. Провожу праздник с ними.

Мама отводит меня в сторону:

– Ты что, не была с Ним?

(Она знает, что есть Он.)

– Мы разминулись. Или...

В отчаянии:

– Хочется умереть!

– Ты так его любишь? Не делай так, чтобы отец стыдился тебя!

– Скажи папе, что я не нанесу урона его чести! Никогда! А он в этот час в свою очередь ждет меня у театра.

(Разминулись по недоразумению.)

Он несется на улицу Жан-Мермоз, ничего не понимает, в отчаянии отправляется в привычное бистро, где хозяин изо всех сил старается развлечь его.

Утром следующего дня, в одиннадцать часов, телефонный звонок рассеивает взаимные подозрения.

Но...

Во вторник, когда я в кафе на площади Этуаль пью с приятельницей кофе, замечаю через окно Мишеля, который сопровождает... Боже, я тут же узнаю ее, хотя видела только в кино (где она особенно эффектна!). Она, одна из величайших звезд той эпохи! На ней простой спортивный костюм, брюки. Словно она собирается в Шамони. Но как шикарно выглядит! Вообще я знала. Симона меня предупредила, что мой красавчик Мишель (я прожужжала ей все уши про него)... Я была слепа! Слухи? Быть может, старая история?! Или...

Я слишком горда или слишком робка, чтобы требовать объяснений, когда вновь встречаюсь с ним. Клянусь себе, что наши встречи будут реже. Он не знает почему. И страдает от этого.

Две недели я избегаю его. Потом любовь, целомудренная, возвращает меня в его объятия.

Жизнь у Лелонга продолжается. Изменений мало, если не... Когда в день святой Екатерины господин Лелонг по-отечески пригласил меня на ужин, я спросила его: «Можно прийти с женихом?»

– А! Вот как? Ну конечно! Но... но надо было мне сказать!

Чуть позже после вопроса Николь: «Папа, какой подарок сделаем ей на свадьбу?»

– Что за вопрос. Она так хорошо носит свадебные платья!

В студии работаю с необычным рвением. Идет ускоренная подготовка летней коллекции (февраль), которая станет для нас первой послевоенной коллекцией. (Словно все сражения уже выиграны!)

Вместо семидесяти пяти платьев будет представлено сто двадцать; для меня готовится двадцать пять нарядов, рекорд, которому беззлобно завидуют остальные восемь манекенщиц Дома. Похоже, изобилие возвращается.

В домашнем костюме

Ткани, отличные набивные ткани, которые похоронила война. Суматоха в мастерских, где первые мастерицы мечутся, пытаясь наладить порядок и тишину. Встречи. Сколько служащих, прятавшихся, находившихся в бегах, в ссылке, вернулись и вновь приняты на работу. Они рассказывают о своих приключениях. Увы! Лагерники не вернутся.

Невероятный успех. Атмосфера этих дней показа, знакомых мне только по войне, стала торжественнее и свежее. Приток публики, зажиточных людей. Покупательницы приобретают больше. Коктейли, приемы, марочное шампанское. Великие обозреватели моды, Брюнофф⁶⁶ (*Vogue*), Лешель (*La femme chic*), Люсьен Франсуа⁶⁷ и прочие, вновь на вершине; им предоставляются лучшие места. Наконец, появляются американцы! В Париж, где прекратились бомбардировки, слетаются американки. Они собираются целыми стаями, зрелые и молодые, юные (из девичьих колледжей), шумные, приветствующие нас криками «ура», называющие нас по именам, приглашающие на чай в «Ланкастер» или «Бери». И звезды, в том числе и международные, к примеру моя любимица Марлен Дитрих⁶⁸.

Всю весну я занята по горло. Днем у Лелонга (здесь пока мирятся с моими опозданиями), вечером в компании Мишеля, который безостановочно снимается в кино: «Ангел, которого мне подарили», где играет с Симоной Ренан⁶⁹, «Враг без лица» с Луизой Карлетти⁷⁰.

– Что скажешь, если я начну ревновать?

– Но только не к этим большим приятельницам!

Мысль: «А другая, как он поступил с ней?» На самом деле там все закончилось.

⁶⁶ Б р ю н о ф ф, Мишель де – балтийский барон, в то время директор и главный редактор журнала *Vogue*. Открыл и поддержал в 1955 г. Ива Сен-Лорана. – Прим. А. Васильева.

⁶⁷ Л е ш е л ь, Л ю с ь е н Ф р а н с у а – известные французские журналисты военного времени. – Прим. А. Васильева.

⁶⁸ Д и т р и х, Марлен (наст. имя Мария Магдалена Дитрих фон Лош) (1901–1992) – выдающаяся немецкая и американская актриса, певица.

⁶⁹ Р е н а н, Симона (1911–2004) – французская актриса, была замужем за режиссером Кристианом-Жаком и продюсером Александром Мнушкиным. Фильмы «Безнадежное путешествие» (1943), «Набережная Орфевр» (1947), «Опасные связи» (1960), «Троих надо убрать» (1980) и др.

⁷⁰ К а р л е т т и, Луиза (1922–2002) – французская киноактриса из Марселя, снималась с 1957-го по 1965 г., супруга известного импресарио Рауля Андре. – Прим. А. Васильева.

В спортивном костюме

Сколько раз по вечерам я даю ему приют на несколько часов!

Готовлю легкий любовный ужин (Он столько работает! Может похудеть!): устрицы, холодная курица, вино «Монбазийак». Наряжаюсь в волшебное домашнее платье (купленное со скидкой). Мы болтаем, подкалываем друг друга, целуемся до полуночи.

Жениться на мне? Таковы его намерения. Но не сразу! Надо дать родителям время свыкнуться с этой мыслью, ибо моя профессия не из тех...

Утром звонит телефон:

– Ты свободна сегодня вечером? Заходи ко мне на улицу Пьер-Шаррон. Мы там ужинаем.

– С кем?

– С дядей, братом мамы.

– Маркизом?

– Да, увидишь, какой отличный тип! Он воевал у Леклерка. Недавно его ранило.

Вот это семейство! Маркиз Роббер – действительно отличный кавалер. Прихрамывает, ходит с палочкой. В прошлом месяце одним из первых ворвался в Баккара.

В дневном платье

После изысканного ужина (маркиз платит за всех десятерых) мы объезжаем все ночные заведения. Я танцую с ним, хотя у него побаливает нога. Роббер тут же переходит со мной на «ты». Неужели уже считает меня членом семьи или просто партнером по гулянкам? Мы расстаемся в пять часов утра. На улице десять градусов ниже нуля.

Мишель у двери моего дома:

– Могу подняться?

– На последний бокал!

Наверху:

– Ну и жажда у меня! Виски.

– Можно позвонить домой?

– Ради чего?

– Сказать, что не вернусь.

– Только без глупостей!

– Серьезно, можно у тебя поспать?

– На диване?

– Клянусь!

Он укладывается на диван. Пытается заснуть. Как и я. Едва-едва смежила веки. В семь часов он встает. Вижу, как он занимается гимнастикой. Он просто дрожит... Я упрекаю себя за эгоизм.

Ему было так холодно!..

Х. Бегство

Боже, несколько месяцев счастья! Мы любили друг друга. Жили вместе. Так мне предложил Мишель в день, когда владелец лишил нас квартиры. Мишель признался: «У меня всего три сотни в кармане».

Вот уже несколько недель он ничем не занимается. Когда он зарабатывал много денег, мы почти ни в чем себе не отказывали. Он был готов скорее умереть, чем просить о помощи родителей, которых некогда разочаровал, бросив обучение медицине.

С Богом! Даже любопытно вспомнить о нищете!

Мы посетили квартиру на первом этаже на площади Ламартин. Мрачное помещение. Единственное окно выходит на ряд гаражей. Молодость скрасит все! Переносим сюда все наше достояние: одежду и несколько тарелок. Квартиру именуем «небольшая черная дыра».

– Слушай, на инаугурацию...

– Может, устроим небольшой обед?

– Отправляйся за покупками, – говорю я. – Особо не траться. И пожалуйста, появляйся не раньше чем через час.

Когда он вернулся, немыслимый беспорядок был устранен. Сама не знаю, как мне это удалось. Самолюбие, просто любовь удесятирили мои силы. Ванная сияет, как новенький сантиметр, мебель (не такая уж плохая) натерта, постель застелена шелковым покрывалом, стол накрыт на две персоны (приборы, бокалы!), несколько цветков и засохшие листья на скатерти и комод. Он принес баночку фуа-гра⁷¹ (крохотную), зеленую фасоль. Обойдемся без вина. Смех! Богемная жизнь, здоровье и чуть больше двадцати лет!

⁷¹ Паштет из гусиной печени.

Мишель вновь на тропе войны. Его приглашает Пьер Фронде⁷², чтобы создать Голливуд! Речь идет о съемке фильма в Австрии, как только туда можно будет выехать.

(Ее только что освободили).

Я по-прежнему на плаву. Журналы, модельные мастера (дорогая Жанетт Коломбье!) и меховщики, перчаточники, парфюмеры...

⁷² Ф р о н д е, Пьер – французский киноактер и драматург, стал известен в 1935 г., благодаря роли в приключенческом фильме Марселя д'Эрбье «Имперский путь». – Прим. А. Васильева.

В вечернем платье

Оплата за каждый сеанс – приличные деньги для того времени. Единственное темное пятно – загадочное поведение семьи. Меня принимают на площади Лаборд, даже пригласили на ужин. Я одолжила по этому случаю платье, настоящее сокровище. Все крайне любезны, мать, невозмутимая высокая дама, доктор, славное и красивое французское лицо, светящееся снисходительностью и добротой. На мне туфельки, я боюсь любой оплошности, чтобы меня не сочли грошовой мидинеткой!⁷³ Особенно в этот день...

...Младший брат Мишеля, Клод, возвращается после десяти лет со дня мобилизации и пяти лет плена. Где нас застал его телефонный звонок? У Жана Шеврие⁷⁴. (Да, я еще не сказала: этот радушный хозяин «маленькой черной дыры» оказал нам гостеприимство.) О чем я? Стоило раздаться голосу Клода, как я перестаю существовать для Мишеля! Он словно в бреду:

«Малыш Клод! Где ты? Несусь! А родители? В Виллье-ле-Бель? Они тоже едут? Еду!» И убегает, бросив мне: «А ты?»

Я на велике добираюсь до площади Лаборд. Все обнимаются. Похлопывают друг друга по спине. Плачут. Целуются. Вот она, семья! Мне наскоро представляют Клода, и все четверо уезжают на машине в семейное поместье, где будут праздновать его возвращение, оставив меня в одиночестве. Рука моя лежит на руле, а на ресницах повисли слезы. Меня не считают за равную? Однако Мишель не бросает меня, значит, дорожит? Клод вначале относится ко мне с показной вежливостью. Неужели я ошиблась? Серьезные дела! Семья осудит мое поведение!

(«Он был бы отличным мужем» и т. д.)

Чтобы оценить собственные чувства, прислушиваюсь к другим соблазнам! Соглашаюсь на один или пару ужинов. Богатые и красивые, молодые и знаменитые, ни один ничего не обещает, ни у одного нет ни обаяния, не сравнить с Мишелем! А их взгляды, почти тут же настойчиво красноречивые. Мишель терпел полгода!

Хоккейный матч в Сен-Дизье, куда я пришла для рекламы одной модельерши. В перерыве какой-то фотограф просит меня сняться рядом с несколькими звездами кино (Марсель Деррьен⁷⁵ и т. д.).

⁷³ Молодая швея.

⁷⁴ Ш е в р и е, Жан (1915–1975) – французский актер театра и кино. Фильмы «Господа Людовики» (1946), «Три мушкетера» (Атос, 1959) и др. Супруг знаменитой актрисы Мари Бель.

⁷⁵ Д е р р ь е н, Марсель (р. 1917) – знаменитая французская актриса. Снялась в более 100 фильмов. Фильмы «Катя» (1938), «Молчание – золото» (1947), «Дорогой» (1950) и др.

В саду семейного пансиона

В группе также два хоккеиста... Нас много! Некуда отойти!

– Жаннин, вы такая легкая... Может, сядете на колени месье? Хм! Я соглашаюсь. Этот месье – один из игроков – иностранец (судя по голосу), затянутый в хоккейные доспехи, лицо его залито потом. Я с облегчением покидаю его колени.

На следующий вечер сюрприз – я получаю от него записку с просьбой навестить в раздевалке... У двери, согласна! Но не входить! Мне навстречу выходит великолепный северянин, пшеничные волосы, пахнущий духами, опьяневший от радости, что может пригласить меня выпить стаканчик в его «бьюике»⁷⁶ шестиметровой длины. Приятель примерной обходительности и скрытности, с которым я и сегодня иногда выхожу в свет и который никогда не оскорбит меня! (А что думаете вы, французы?)

Мишель пробивает себе путь! Уже идет подготовка к реализации предложения по Австрии. И партнершей у него будет Иветт Лебон!⁷⁷

– Дорогая, неужели надо расставаться!..

– А разве я не могу приехать к тебе?

Конец июня. Канун зимней коллекции. Сообщаю господину Лелонгу о желании отправиться на две недели к «жениху».

– Две недели, не больше! Рассчитываю на ваше участие в дефиле.

Беру (одалживаю) с собой кучу платьев и манто. Я должна поддерживать свой статус, не тушеваться перед женщинами из кино. Сказочное пребывание! Мишель представляет меня всем женой. (Какое прекрасное слово!) Как я мечтала об отдыхе! Бегство в феерический Тироль, где мы скитаемся по маршруту съемок фильмов «Белоснежка и ее странствующие рыцари» и «Ледяная симфония», которые из-за ряда технических ошибок, увы, не удались. Цурс, Кингсбулл и его озеро, Инсбрук, гостиница «Мариабрунн» на высоте 1800 м над уровнем моря у самой кромки вечных снегов, куда добираются на фуникулере. У Мишеля прекрасные

⁷⁶ Американский автомобиль *General Motors*.

⁷⁷ Л е б о н, Иветт (р. 1910) – французская актриса. Снималась с 1931-го по 1972 г. Фильмы «Божественная» (1932), «Гибралтар» (1938), «Гробница фараона» (1960), «Марихуана» (1970) и др. Была любовницей известного актера Саша Гитри.

друзья, обходительные, женщины считают меня своей ровней, не завидуя моим туалетам. Приемные, труппу приглашают почти повсюду и везде устраивают празднества. Мы ведь представители искусства, Парижа, а я представляю моду! Мы «платим той же монетой». Коктейли по поводу начала, середины и завершения съемок. Официальные рауты, парады, званые ужины. Генерал Бетуар, за чьим столом я сижу, любезничает со мной. Еще один большой начальник! Какая гадюка ему нашептала, что у меня связь с Мишелем... Он дает бал, но меня не приглашают.

- Не пойду, – возмущается Мишель.
- Надо, дорогой! Крайне полезно!
- Раз так, то поженимся сразу после возвращения!

После этих слов, согласитесь, пятнадцати дней, о которых я договорилась... оказалось слишком мало! Даже не осмеливаюсь послать открытку господину Лелонгу. Провожу восемь дней августа в Париже, даже не известив его. Короче, какой стыд, я взяла себе четыре месяца отдыха. Куда подевался мой профессионализм! Простите, я влюблена!

В конце октября Мишель почти приказывает мне вернуться (у него еще дел на несколько недель).

- Подумай о своей карьере, – говорит он.

А наша свадьба? О ней снова нет разговоров. Это меня тревожит, и потому, вернувшись в Париж, позволяю себе по вечерам выходить в свет с поклонниками.

- Один, два раза с одним и тем же. Третьего раза никогда не бывает!

Блудное дитя возобновило свою службу у Лелонга (отныне скорее любезный, чем благожелательный). И сегодня я краснею от стыда за свое поведение, просьбы, уступки, которыми злоупотребляю. Что творится в моей голове? Амбиции? Жажда независимости? Потребность в переменах? После освобождения Пьер Бальмен покинул авеню Матиньон и основал собственный Дом – он всегда стремился к независимости. В феврале представил блестящую коллекцию, которая поставила его во главе модельеров. (Вскоре за ним последует Диор.)

Мне очень хорошо у Лелонга. Он сотворил меня. Неужели я такая неблагодарная? Однажды утром я прошу встречи с ним:

– Господин Лелонг, я многим вам обязана и всегда буду вам признательна. Но мне надо помогать семье. Надо больше зарабатывать.

– Малышка Жаннин, мне неприятно обсуждать с вами денежные вопросы. Поговорите лучше с моим братом. (Административный директор.)

Встречаюсь с Пьером. Требую немислимых уступок. Он соглашается почти на все: платье в каждой коллекции, разрешение не приходить по утрам. Но увеличение зарплаты, которого я требую, слишком велико.

- Сожалею. Я могу получить больше в другом месте.
- Где?
- У Бальмена.
- Идите к Бальмену.

Я почти случайно обронила это имя, ибо Лелонг мог позвонить ему. И они быстро бы сговорились за моей спиной!

- Жаннин, советую вам подумать.
- Я уже подумала.

Господин Лелонг и все остальные, мужчины и женщины, будут обходительны со мной до расставания. Прощальное шампанское. Поцелуи, милые слова, пожелания удачи.

Я покидаю их с какой-то опаской, испытывая укоры совести...

Правда ли я?

XI. Летучая манекенщица

Возвращается Мишель и не высказывает особого удовлетворения моей выходкой. Но мы давно договорились никогда не влиять на решения друг друга в том, что касается наших профессиональных занятий:

– Идешь к Бальмену?

– Не сразу. Могу зарабатывать и в качестве летучей манекенщицы.

Летучая манекенщица – манекенщица-звезда, которую ценят как хозяйева, так и моделиеры, первые мастерицы. Она не связана с конкретной фирмой, поддерживает связи со всеми, помогая во время кризисов, авралов, болезней, переездов. Она следит за всеми презентациями, состоит в деловых отношениях с агентствами и руководителями рекламы.

Суежливая, утомительная жизнь (добавьте праздники, ночные заведения). Такой образ существования я буду вести полтора года.

После разорительного проживания в гостинице случайная встреча Мишеля с лицейским приятелем приводит нас в пансион на улице Лежандр, который рекомендую всем. Это пансион для артистов, его владелец, друг Мишеля, сам бывший актер, молодой, светловолосый, веселый и очень симпатичный – Андре Маар! Квартира у него с ванной комнатой – истинное удовольствие! Недорого! Место как раз для нас! Кроме старых жильцов, вечно недовольных буржуа, здесь живут люди театра. Их карьера только началась, но они уже на взлете: режиссер Робер Верней⁷⁸, Габи Андре⁷⁹, Жан-Жак Дельбо⁸⁰, Жорж Ульмер⁸¹, который женился на звезде Ноэль Норман⁸², прелестная Габи Брюйер⁸³, тогда еще брюнетка, она часто водит нас в гости к своей сестре, писательнице Маги Федора. Все любезны, понимают друг друга, свободны. Кто только не поносил актеришек, не говорил об их мелкой вражде, крабьей жестокости? Мы встретили здесь только снисходительность и стремление помочь.

Я тоже с подмостков (между ними и мною нет никакой разницы), собираемся за одним столом, шутим, препираемся, крепко выпиваем, а потом разыгрываем невероятные мистификации. Без особых затрат, как я уже сказала. Андре Маар, верящий в счастливую звезду всех, готов предоставить кредит в случае временных затруднений.

Мы с Мишелем возвращаемся в эту гавань только к завтраку (не всегда!) и вечером. Мало частных уик-эндов. Для меня начинается время официальных перемещений в конце недели, с чем я никогда так и не покончила. Цюрих, где показываю платья от Лелонга (с радостью!) и от Роша⁸⁴. Нас посылает Синдикат Высокой моды. Мне, как Гаврошу, любая поездка придает сил. Я демонстрирую великолепное платье «Париж» (в обтяжку, из черного бархата, обнаженные плечи, большое декольте, но столь узкое в коленях, что едва позволяет двигаться). Большой успех как всегда в Швейцарии. Комфорт и шик. Гостиница «Пьер»! В качестве награды неожиданная встреча с моим шведом, который дарит мне клипсы и организует поездку по озеру.

⁷⁸ В е р н е й, Робер (1907–1979) – французский режиссер, сценарист. В 1955 г. снял знаменитый фильм «Граф Монте-Кристо».

⁷⁹ А н д р е, Габи (1920–1972) – французская актриса. Фильмы «Шанхайская драма» (1938), «Джузеппе Верди» (1953), «Знак Зорро» (1963) и др.

⁸⁰ Д е л ь б о, Жан-Жак (1909–1996) – французский актер. Фильмы «Тайна Версаля» (1954), «Наполеон» (1955), «Тысяча глаз доктора Мабузе» (1960), «Мороз по коже» (1963) и др.

⁸¹ У л ь м е р, Жорж (1919–1989) – французский шансонье датского происхождения.

⁸² Н о р м а н, Ноэль (1921–1985) – французская актриса. Фильмы «Девушки в бедствии» (1939), «Елисейские Поля» (1938), «Вождь краснокожих» (1959) и др.

⁸³ Б р ю й е р, Габи (1914–1978) – французская киноактриса, снималась с 1946-го по 1953 г. – Прим. А. Васильева.

⁸⁴ Р о ш а, Марсель (1902–1955) – французский кутюрье. В 1925 г. открыл свой Дом моды. Близкий к голливудским кругам, одевал таких звезд, как Марлен Дитрих, Мей Уэст, Кароль Ламбарт. В 1944 г. создал свои первые духи *Femme* и открыл крупное парфюмерное предприятие.

Новые поездки, одна за другой. Да, и Париж не отпускает.

Я уже не знаю, кому отдать предпочтение. Не бездельничает и Мишель.

В феврале я бы злилась на себя, если бы не нашла времени посмотреть новую коллекцию Бальмена на улице Франциска I, 44. Заведение высшего стиля, только что закончено, но здесь уже все дышит успехом. Мишель, сидя рядом: «Послушай, настоящий мастер!»

Пралин, Мишель и Пьер Бальмен

У Лелонга Бальмен, несомненно, придерживал свой талант. Наконец он показал себя! Плечные костюмы, легкие меховые оторочки по низу жакетов! Словно все наряды сошли со старинных картин! Желание добиться сдержанности и ощущения молодости. Разнообразие! Все цвета палитры. А вечерние платья: одно из золото-розовой парчи, белое со складками... Все девочки усыпаны дорогими украшениями. Меня трясет от искушения... Я не остаюсь незамеченной. Я – член содружества и не хвастаясь скажу, что принадлежу к сливкам товарищества, а потому некоторые манекенщицы (Соня⁸⁵, баронесса д'Анжель) дружески приветствуют меня. Продавщицы перешептываются: «Вон там, Жаннин Лелонг!»

Я аплодирую, аплодирую до боли в руках. Аплодируют прелестной «невесте», закрывающей дефиле. Два года назад ею была я! Директор, господин Серен, подходит поздороваться с нами. Мы его поздравляем.

– Стоит ли предупредить господина Бальмена?

– Нет, не беспокойте его! Но какой успех! А салон! Я очень довольна!

– Вы тоже преуспеваете. Господин Бальмен говорил о вас! Я погрузилась в такую теплую атмосферу, что произношу:

– Господин Серен, знаете, что доставило бы мне удовольствие? Если вы мне одолжите на воскресные бега ваш тополиной зелени костюм со складками и манто три четверти такого же цвета. (У меня даже потекли слюнки.)

⁸⁵ Соня К о л ь м е р – русская манекенщица, бывшая звезда Дома «Мадлен Вионне». – Прим. А. Васильева.

– Без проблем! Заходите для примерки.

Тополиный костюм сидит на мне... как влитой. (Бальмена не видно.) Мне доставляют костюм в пансион. Я облачаюсь в него к ужину. Теплые поздравления. Они подбадривают меня, а я имею в виду совсем иной ужин!

Ужин в Его семье в субботу. (Я пока еще не замечаю обнадеживающего энтузиазма.) Костюм производит впечатление. Меня называют «кокоткой»! Я прекрасно расслышала слова его родных!

Воскресенье. Прекрасный апрельский полдень, хотя еще прохладный. Костюм встречен с триумфом. Фотографы рвут меня на части. Моя фотография на половину страницы *Paris-Soir* появляется на следующий день. Меня предупреждают, что она отобрана для *l'Album du Figaro*.

Когда я приношу костюм к Бальмену:

- Господин Серен хочет вас видеть.
- Хочу сказать, что этот костюм ваш. Подарок господина Бальмена.
- Как его отблагодарить?
- Приходите в один из ближайших дней на показ его коллекции.
- Хотите, приду завтра?

На этот раз появляется сам хозяин:

- Значит, все в порядке? Вы у нас? Я смеюсь:
- Пока, чтобы заткнуть дыры. Он хлопает в ладоши:
- Серен, соберите всех девушек. Девушки, вот... Надо, чтобы каждая из вас рассталась с чем-нибудь, чтобы составить коллекцию для Жаннин.

По его словам можно судить о власти и дружеском отношении хозяина к своим служащим. А Жаннин по-прежнему на высоте. Ни протестов, ни недовольных гримас. Каждая отдает, и не обязательно насильно, то, что может: Дани – спортивное пальто, Гильда – бело-синее платье, Соня – пляжный костюм. Только одна... (Это меня не удивляет!)

Со среды я участвую в дефиле, отдаваясь делу всем сердцем, используя все свои ресурсы. Спрашиваю у Бальмена:

- Я не все еще позабыла?
- Нет. Каковы ваши амбиции? Я в сомнении. Он смеется:
- Хотите стать первой манекенщицей Парижа?
- Конечно.
- Будем работать.

Его средства разнообразны. Никакого вызывающего протекционизма, только невероятная любезность и уступчивость, что позволяет мне участвовать во всех других показах, необходимых для заработка, – только возвращаться я должна вовремя. Дабы не обмануть доверия подобного хозяина, моя личная жизнь, и так уже заполненная до предела, превращается в блуждающий огонек. Зачастую два показа в день, радио (а еще меня тянут на зарождающееся телевидение) и рекламный фильм! Власть шляпных мастеров надо мной: уже известная вам Жанетт Коломбье, Роза Валуа, Легру, Клод Сен-Сир, Симона Канж, Альбуи, Лемоннье⁸⁶, ради которых я готова на любые испытания! С условием... Как любая девушка, я в голове храню мечту – выйти замуж за зачарованного принца под звуки органа, с изобилием цветов, в переполненном ярко освещенном нефе⁸⁷ и ковром перед порталом церкви. Увы, зачарованный принц (все более и более очаровательный!!) со мной... но все происходит обыденно 5 февраля 1947 года в 11 часов утра, сразу после показа, и при двух свидетелях – свекрови и шурина (моя

⁸⁶ Парижские шляпные мастера, особенно популярные в 1940–1950-х гг., славились качеством и оригинальностью изделий. – Прим. А. Васильева.

⁸⁷ В романских и готических церквях, которые имеют в плане форму латинского креста, продолговатая часть здания от главных входных дверей до хора, покрытая сводами.

семья давно считает, что я замужем). У нас едва хватает времени (а я так люблю семейные банкеты!) выпить по аперитиву, так как уже пора возвращаться в студию.

– Простите. Я опоздала. Я только что вышла замуж. (Кстати, шепотом. Делюсь новостью только с Дани и остальными близкими подругами. Здесь почти все считали, что я давно замужем.)

В сентябре мой временный контракт превращается в постоянный. Мне надоело замещать всю весну отдыхающих манекенщиц в ленивых дефиле перед запоздавшими покупателями. Любопытно, но это именно так, «великий сезон Парижа» считается у нас мертвым сезоном.

Накануне августовской коллекции начинается новая глава. Никто так, как Бальмен, не любит путешествия. Премьера в Лондоне вместе с ним. Нас четверо. Проливной дождь.

Но само присутствие хозяина подобно солнцу. Его веселость и остроумие! Он сажает нас за свой столик. Показ проходит в холле отеля «Савой» после званого обеда. Неужели я дебютирую под дорогим мне флагом фирмы в иностранной столице?! Неужели я открываю бал?! Я умираю от страха! Я должна выйти на сцену, спуститься в зал, пройти с улыбкой и достоинством между столиками, за которыми сидят лондонские элегантные дамы и мужчины во фраках.

Бальмен у микрофона. Я еще никогда не видела его на этом посту. Ослепительный (я отдаю себе отчет в этом, хотя ни слова не понимаю по-английски), раскованный, искрящийся юмором. Многие его реплики вызывают смех в зале. Его голос подбадривает, поддерживает меня. Позади благожелательный ропот. И вдруг в микрофон: «I must translate for Janine... Перевожу для Жаннин, у которой затруднения с языком...» Слышны любимые мною «браво». Партия выиграна.

Мое «крещение». (Ибо до сих пор я оставалась Жаннин!) Бальмен готовит к ноябрю показ в своем имении в Экс-ле-Бен. (Я уже говорила, что он сын своей страны.)

Во время репетиции, которая проходит в парижском салоне перед тридцатью посвященными: продавщицами, модельными мастерами, первыми мастерицами и рекламщиками, – на мне платье из белого пике. Оно удивительно подходит к моим пышным светлым волосам: большой прямой передник, а от передника к бедрам тянется гирлянда огромных розовых бутонов.

Бальмен:

- Похожа на пралине! Всеобщий рев:
- Браво! Ее надо назвать Пралин! Обязательно!
- «Крещение» состоится в Экс-ле-Бен!

Бальмен придумывает формулировку. Сегодня вы уже встретите «Подснежниц», «Маргариток»... Хозяин сосредотачивает рекламу на понравившейся ему идее. Все анонсы в газетах Лиона и Савойи, которые мы прочитываем по прибытии, говорят о Пралин, манекенщице-звезде, которую окрестят в субботу вечером.

Я в прекрасной форме, показываю все платья, внутренне ликуя, с каким-то мальчишеством, нетерпеливыми ударами ногой по шлейфу, которые принимаются публикой – собралось много народа – на ура. И в заключение я – «невеста», с очаровательной крохотной вуалькой, с ног до головы усыпанная розами. Объявление Бальмена в микрофон: сейчас произойдет крещение невесты. Приближаются «крестные» отец и мать. Это главные лица местных властей. Мне на язык кладут соль. Гримаса «крещеной». Объективы нацелены на меня!

Вернувшись в Париж, я удостоиваюсь особой чести, мне посвящена целая страница фотографий в *Somedi-Soir*, на обложке *Noir et Blanc* (Эрве Ловик, всегда такой предупредительный!). А в прессе просто: «Пралин», «Пралин»... Так я стала Пралин! И буду отныне Пралин. Обожаю это имя. Время летит, пожирая недели. Путешествия всю зиму и следующую весну: Монте-Карло, Биарриц на Пасху, Довилль на Троицу. Обычно в качестве манекенщицы-звезды Бальмена, иногда отданная в аренду его верноподданым, Роша и Диору. Довольна ли я? У

меня в колоде немало козырей. Замужем, очаровательный муж, достоинство это я ставлю превыше всего. Дружба подруг (за исключением одной), благоприятное отношение всего мира моды.

«Крещение» Пралин. Бальмен стоит в глубине

Вечернее платье работы Дома моды Бальмена, 1953

Чего мне еще не хватает? Многого. Напоминаю, я амбициозна: Бальмен попал в точку со своим даром медиума... Хочу стать «первой манекенщицей Парижа». Это правда! И стремлюсь к этой цели! Однажды гадалка говорит мне: «Вам везет не больше, чем другим. Но ваше везение в том, что вы сами его создаете».

Волшебница? «Не верю!» И все же не отказываюсь гадать на картах. Вспоминаю гадалку с бульвара Мажента, когда еще служила у Лелонга: «Вы пока еще птичка на ветке. Но вскоре ваш горизонт прояснится. У вас будет большой успех. Вас станут узнавать на улице».

В начале 1948 года я оглядываюсь вокруг себя... Лелонг, неожиданный шанс! Но не стоило там застревать. Остальные модельеры? Фу! У Баленсиаги мало шутят. Диор – такой нежный – проявляет какую-то опаску. Этот считается скупердям.

Тот страдает «творческими запорами». Бальмен, несомненно, единственный, который творит своим талантом, напором, жизненностью и создает атмосферу, умножающую возможности каждого. Но как идти вперед, даже у него? Подняться выше? Куда? Девчонка вроде меня, вышедшая из низов, не знает и не умеет ничего! Ну что ж, подождем.

ХII. Мисс Синемонд

Как-то вечером в ресторане «Диаман» мой приятель «Софрон» (Фруассан) спросил:

– Послушайте, Пралин, я занимаюсь рекламой «Синемонда»⁸⁸. Хотите удовольствия ради прокатиться в Америку?

– Почему бы и нет!

– Н-да! Проговорился! Но вам не выиграть их конкурс. Прежде всего вы слишком известны! И замужем! Но есть нужда в хорошо одетых красивых девушках. Можете сослужить нам службу.

– Хм! Странно участвовать и не выигрывать! Утром звонок во время аперитива:

– У вас есть с собой фотографии? Для «Синемонда». Что требуется? Показать платье и купальник.

Фотографии в моей сумочке не самые лучшие. Тем хуже! Их показывают Моклеру, директору журнала.

– Она вовсе не красавица, ваша Пралин!

Однако я «появляюсь» в «Синемонде». Кости брошены, и я предупреждаю Пьера Бальмена.

– Зачем вам этот жалкий конкурс? Странная мысль!

– А что скажете, если я поеду в Америку?

– Никаких надежд.

– Это как посмотреть. Одолжите мне платье?

– Нет. Не хочу выставять себя на посмешище.

– Спасибо. Попрошу у Фата.

В моем окружении эта история никому не нравится. Родители мужа воротят нос. Мишель относится к идее прохладно.

По его мнению, в этих конкурсах есть что-то карнавальное!

– Вовсе нет! А последствия будут!

Когда я возвращаюсь с коктейля у Аркура, где «Синемонд» принимал тридцать отобранных кандидатов, я раскалена добела от эмоций: «Потрясающе. Весь Париж! Девушки съехались со всей Франции. “Синемонд” оплачивает пребывание в столице. Кстати, многие из них

⁸⁸ Американский журнал, очень популярный в то время.

просто прелестны. Чистая красота, не то, что я! Один знаток долго разглядывал меня и подо-
звал Бесси. Потом подошел и сказал:

– Это вы Пралин?

– Да. А вы?

– Я Ренан Симон. (Знаешь, это он спонсирует всех актрис!)

И добавил:

– Вы умеете ходить! Будете полезной для остальных, показав, как нужно проводить пред-
ставление.

Я, конечно, в сомнении, стоит ли так вылезать вперед. Но меня умоляли все. Тогда я
провела небольшую демонстрацию, после которой Симон поймал меня и сказал:

– Выберут вас, хотя, как мне сказали, многие будут недовольны, а в “Синемонде” начнут
кричать о подтасовке. Поймите, их бизнес – продвижение девчонок из провинции!»

Новые фотографии лучше. Я начинаю понимать, какие нешуточные волнения вызывает
этот конкурс.

У Моклера и Бесси много приятелей. Все газеты лебезят перед ними. Даже иностранная
пресса. Мне показывают заметки из Нью-Йорка. У них договоренность с Америкой!

Я сказала Бальмену о Фате наобум (хотя я его знаю и делала для него несколько показов).
Почему не Диор? Я не решилась.

Директриса приводит меня к Фату:

– Пралин собирается стать Мисс Синемонд!

Жак Фат просит меня повернуться:

– Ей надо подрезать волосы. Размышляет:

– У меня есть одно белое платье...

Я тут же примеряю его. Платье в обтяжку из белого атласа «дюшес» со складками на
бедрах и огромным бантом на спине. Корсет на шнуровке.

– Я не слишком толстая в нем?

– Подождите, надо затянуть шнуровку!

Меня пеленают, как в 1900 году. Зато какая осанка! А спереди парчовая полоса с брил-
лиантами и жемчужинами!

(Хотелось бы увидеть покаяние Бальмена!)

Прическа! Я бы не доверила уход за своими волосами никому, кроме... своего братишки!
Жанно становится художником в своем деле.

Репетиция во второй половине дня накануне праздника на сцене театра «Пигаль» перед
шишками из «Синемонда» и их гостями. Всего сорок человек. Мы идем цепочкой друг за
другом, огибая сцену по краю.

– Вечером будет подиум, выходящий в зал.

Все конкурсантки разглядывают меня, многие враждебно, поскольку только у меня сде-
лана прическа. Многие из них очень красивы, и все прекрасно одеты (стараниями Жермены
Леконт⁸⁹).

Бесси и Моклер подходят ко мне:

– У вас преимущество, вы умеете ходить, поэтому надо все предусмотреть. Лучше бы вы
не выиграли, мы уже говорили почему. Но если выиграете, освободитесь ли вы для поездки
в Америку?

– Безусловно.

– А ваш муж?

– Пока в конкурсе участвую я! Надо избежать сглаза:

⁸⁹ Л е к о н т, Жермен – французская создательница мод, открыла в 1922 г. свой Дом, который прославился в 1930-х гг.
маленькими черными платьями. Закрыт в 1953 г. – Прим. А. Васильева.

– Но я не выиграю, а потому спокойна.

– Кто знает! Вы упрямец.

Один из показов будет в купальнике. Упрекаю себя, что не подумала об этом заранее. Несусь к Реару⁹⁰:

– Ничего не осталось, дорогая Пралин. Конкурсантки забрали все.

Я убита горем. Директор:

– Если только!.. Есть один, заказанный Эстер Уильямс⁹¹... (Пловчихой! Считается «женщиной с лучшей фигурой в мире».)

– Покажите, умоляю. Хотя... Уверена, он мне не подойдет! Это цельный купальник (он окажется единственным), хотя я предпочитаю бикини, но он чудесно меня облегает!

Вечер. Театр блистает. Папа, мама, брат Бернар покидают меня, чтобы занять свои «далекие места». Мишель также прячется на галерке. У него отвратительное настроение: «Что я тут только делаю? И ты?!»

Жан-Лу следует за мной за кулисы. У меня совместная уборная с конкурсанткой из Лимузена, очень любезной девушкой, пораженной обстановкой.

Мы спешим, поскольку столкнулись с красующимися в задней части сцены соперницами. Все они в отдельных купальниках и плащах, у всех одинаковые прически, безупречный макияж от *Max Factor*⁹².

Занавес взмывает, открывая гирлянду девушек, стоящих полукругом. Зал переполнен. Важные персоны в ложах. Мне сказали, что это жюри. Назову несколько имен: Эдвиж Фейер⁹³, Симона Синьоре⁹⁴, Ив Монтан⁹⁵, Жан Маре⁹⁶... Моя летящая светлая грива, хитро собранная, лежит на плечах, прикрытых плащом от Реара, и я выгляжу американской женщиной-вамп и чувствую уверенность в своих силах.

Разыгрываются номера. Когда я вытягиваю 23 (мое число! Как и в конкурсе «Мадлон-37»), я практически уверена: «Дело сделано!»

Но нет, как я глупа! Что за неосторожность, эти слова! Во время первой части представления, когда Прежан⁹⁷ представляет актеров (Жан Вебер⁹⁸ и др.), я ловлю на себе ярые взгляды. Я же... Пралин! У меня блат! Никакой интриги!

Наконец вызывают номер 1. Мы все стоим у выхода на сцену, заставляя себя смотреть на подиум. Прежан неутомим:

⁹⁰ Р е а р, Луи (1897–1984) – парижский модельер, создатель современных бикини (раздельного купальника).

⁹¹ У и л ь я м с, Эстер (р. 1921) – американская пловчиха, актриса, сценарист. Звезда «водного мюзикла» 1940–1950-х гг. Ее называли «американской русалкой» и «русалкой Голливуда».

⁹² Ф а к т о р, Макс (1877–1938) – американский бизнесмен польского происхождения, основатель компании *Max Factor*. Его называли «отцом современной косметики». После его смерти дело продолжил сын Фрэнк, который поменял имя и стал называться Макс Фактор-младший.

⁹³ Ф е й е р, Эдвиж (наст. фам. Кунати) (1907–1998) – французская актриса. Дебютировала на сцене в 1931 г. Более 60 лет выступала в театре и более 40 играла в кино. Почетная премия «Сезар» (1984), премия Мольера лучшей актрисе (1993). Автор нескольких мемуарных книг, бесед об искусстве.

⁹⁴ С и н ь о р е, Симона (наст. имя Симона Анриетта Шарлотта Каминкер) (1921–1985) – французская актриса театра и кино. Обладательница «Оскара» за лучшую женскую роль (1959).

⁹⁵ М о н т а н, Ив (наст. имя Иво Ливи) (1921–1991) – французский киноактер и эстрадный певец. С 1944 г. выступал с Эдит Пиаф. В 1960 г. на съемках фильма «Миллиардер» («Займемся любовью») работал с Мэрилин Монро. Муж Симоны Синьоре.

⁹⁶ М а р е, Жан (наст. имя Жан Альфред Виллен-Маре) (1913–1998) – французский актер, постановщик, писатель, художник, скульптор, каскадер. Имел многолетний творческий и любовный союз с писателем, поэтом и режиссером Жаном Кокто, с которым Маре познакомился в 1937 г. и был вместе около 25 лет. Пабло Пикассо, увидев его ранние работы, удивился, как человек с таким талантом скульптора «тратит свое время на какие-то съемки и работу в театре».

⁹⁷ П р е ж а н, Альбер (1893–1979) – французский актер. Фильмы «Париж уснул» (1923), «Под крышами Парижа» (1930) и др.

⁹⁸ В е б е р, Жан (1906–1995) – французский актер, режиссер, сценарист. Снималась с 1926-го по 1957 г. Фильмы «Дежурный аптекарь» (2003) и др.

«Как вас зовут? Снимите, пожалуйста, плащ. Ваша любимая актриса? Писатель?» Одни скованы волнением. Другие дают кое-какие ответы, у некоторых ответы откровенно гротескные (но аплодируют всем).

Один и тот же вопрос: «Вас выбрали Мисс Синемонд. По приезде в Америку какую первую покупку вы сделаете?»

– Куплю нейлоновые чулки.

Легкая суতোлка. Мой номер выскальзывает у меня из руки. Я наклоняюсь... и вижу, как он исчезает в щели пола! Невезение! Предупреждение небес? Соседки зло усмеваются. Что делать? Надо обратиться к электрику в спецовке. Меня трясет, ведь уже проходит номер 16. Тот качает головой:

«Где вы были? Там внизу такой бардак!»

Я готовлюсь уйти. На сцене номер 18, 19... Я ругаюсь вслух.

Остальные требуют, чтобы я замолчала. Вдруг парень в спецовке:

– Вот он!

Спасена! Силы вернулись! Пожарный шепчет мне:

– Вы самая-самая!

Угощает меня сигаретой, я закуриваю, чтобы собраться, хотя наверняка это запрещено (снова осуждающие взгляды).

– 23.

Мой выход! Я уже привыкла к залам! Иду словно на дефиле, запахнувшись в плащ (многие оставляли его распахнутым).

– Ваше имя?

– Пралин Марсэ.

(Легкое перешептывание среди публики, кое-кто узнает меня.)

– Вы довольны своим пребыванием здесь?

– Да... То есть... У меня мандраж!

– Не сказал бы.

– Поверьте, это так.

– Сколько вам лет?

Я колеблюсь, знаю, что считаюсь одной из «старух»: двадцать четыре.

– Сообщу... если буду выбрана.

Прежан отступает на шаг:

– Представьте нам свой купальник!

Именно здесь надо зарабатывать очки. Я уже заметила, что многие скованы, не знают, что делать с плащом. Смелей, Пралин! Настал момент оказать честь корпорации!

Я по-царски сбрасываю плащ с плеч, вам ловить... Шквал аплодисментов. Самый мощный.

– Благодарю, мадемуазель. Можете идти и наряжаться в вечернее платье.

Слышу громкие «браво».

Быстрее в уборную. Там ждет Жан-Лу. Его трясет больше, чем меня.

– Прошло?

– Да, неплохо. У тебя есть время причесать меня? (Ни одна другая на это рассчитывать не может.)

– Конечно! Все готово.

Он в мгновение ока причесывает меня (какая помощь, брат – виртуоз!).

Мы быстро спускаемся. И видим, что мне ничто не угрожает. Идет короткометражка, потом выступит певец.

Атмосфера накаляется. Начинается «подсчет очков», иными словами, объясняет Прежан, сравниваются мнения членов жюри. Пауза еще на двадцать минут. Голосование тайное.

Мы снова выстроились в вечерних платьях. Все идеальны, многие очаровательны. (Талант Жермены Леконт!) Мне кажется, что белые платья (такие на шестерых) придают больше «молодости».

Подходит мой черед. Я охвачена волнением, слыша восклицания:

– 23! Это 23!

– Тихо! – говорит Прежан, взмахивая рукой. Аплодисменты усиливаются.

– Мадемуазель, можете...

Мой выход! Надо показать свой опыт, профессию – свой смысл существования! Необыкновенно «царственной» походкой, вздернув голову (мой носик!), я делаю круг по сцене. Вамп... без жестокости. Королева... без надменности. Ощущаю, что серьги и большое бриллиантовое кольцо, одолженные Жаком Фатом, прекрасно дополняют общую картину.

Зал ревет. Я вся в переживаниях. Трясутся губы. Я вот-вот разревусь.

– Мадемуазель, прошу вас к микрофону. Предположим, вас выберут Мисс Синемонд...

(Наконец! Вопрос!..)

Публика бушует:

– Да, да.

– Вы едете в Америку. Какой будет ваша первая покупка? За кулисами я ответа не нашла, хотя обдумывала ответ. Мое «подсознание»(!), сказал бы Мишель. Слышу свой собственный голос (он вовсе не похож на мой):

– Найду табачный киоск, куплю открытку и марку для мамы и напишу ей: «Мы совершили чудесное путешествие. Я счастлива тем, что нахожусь в Нью-Йорке».

Слова буквально вырвались из меня. Прodelки дьявола, и мой ответ попадает в точку.

– Ваш любимый актер?

– Вы смущаете своим вопросом, ведь хороших актеров много. Я люблю их всех. Пусть Жан Маре на меня не обижается... если он здесь! Я предпочитаю Пьера Френе⁹⁹, особенно в фильме «Три вальса».

Зал взрывается овациями.

Прежану пора отпустить меня, но он продолжает игру. (Из расположения? Или хочет найти слабое место в моей броне?)

– Вы возвращаетесь из Америки... Скажите, что вы о ней думаете?

О-ля-ля! Это ловушка!

– Вы слишком спешите! Дайте сначала съездить. По возвращении обещаюсь...

Прежан улыбается:

– Большое спасибо. Не знаю, как решит публика. Но я желаю...

Из кресел доносится восхищенное: «Да, да! Мисс Синемонд». Я ухожу обнадеженной.

Перерыв, затем объявление, что отобрана десятка конкуренток. Я в их числе, но у меня вырисовываются две опасные соперницы: номер 9, потрясающая брюнетка, темноволосая девушка алжирского типа с огромными горящими глазами, в белом платье со складками, и номер 18, рыжеволосая красавица с громадной гривой лесной дикарки, с чуть выдающимися скулами и зелеными глазами. Она очень сексуальна.

Обе сорвали свою долю бурных аплодисментов.

Еще одно дефиле. Еще одно... Третье.

Каждый раз выделяют меня! Но 9 и 18... опасны.

В жюри идет обмен мнениями.

Вопли из зала: «23!»

Несколько минут на выступление певца. Люди в ложах встают, поздравляют друг друга, обмениваются бумажными листками.

⁹⁹ Ф р е н е, Пьер (1897–1975) – французский актер. Фильмы «Ворон» (1943), «Убийца проживает в номере 21» (1942) и др.

Каково будет их решение? Какие интриги? «Синемонд» меня не хотел! Но разве не стоит учитывать голосование публики?

Наконец, торжественное мгновение. Прежан возвращается к микрофону. Бросает мне: «Вы среди трех». Потом подает знак нам троим. Троице, которая переглядывается оловянными глазами! Глаза брюнетки готовы расстрелять.

– Дамы и господа, представляем вам Мисс Синемонд.

Крики:

– 23!

Он берет меня за руку:

– Мисс Синемонд.

Я ждала этого. Однако... меня словно поразило током, я вот-вот рухну. Думаю, что таких эмоций больше никогда не испытаю. Даже если президент республики... Море аплодисментов, я тону в них! Слышу словно из раковины:

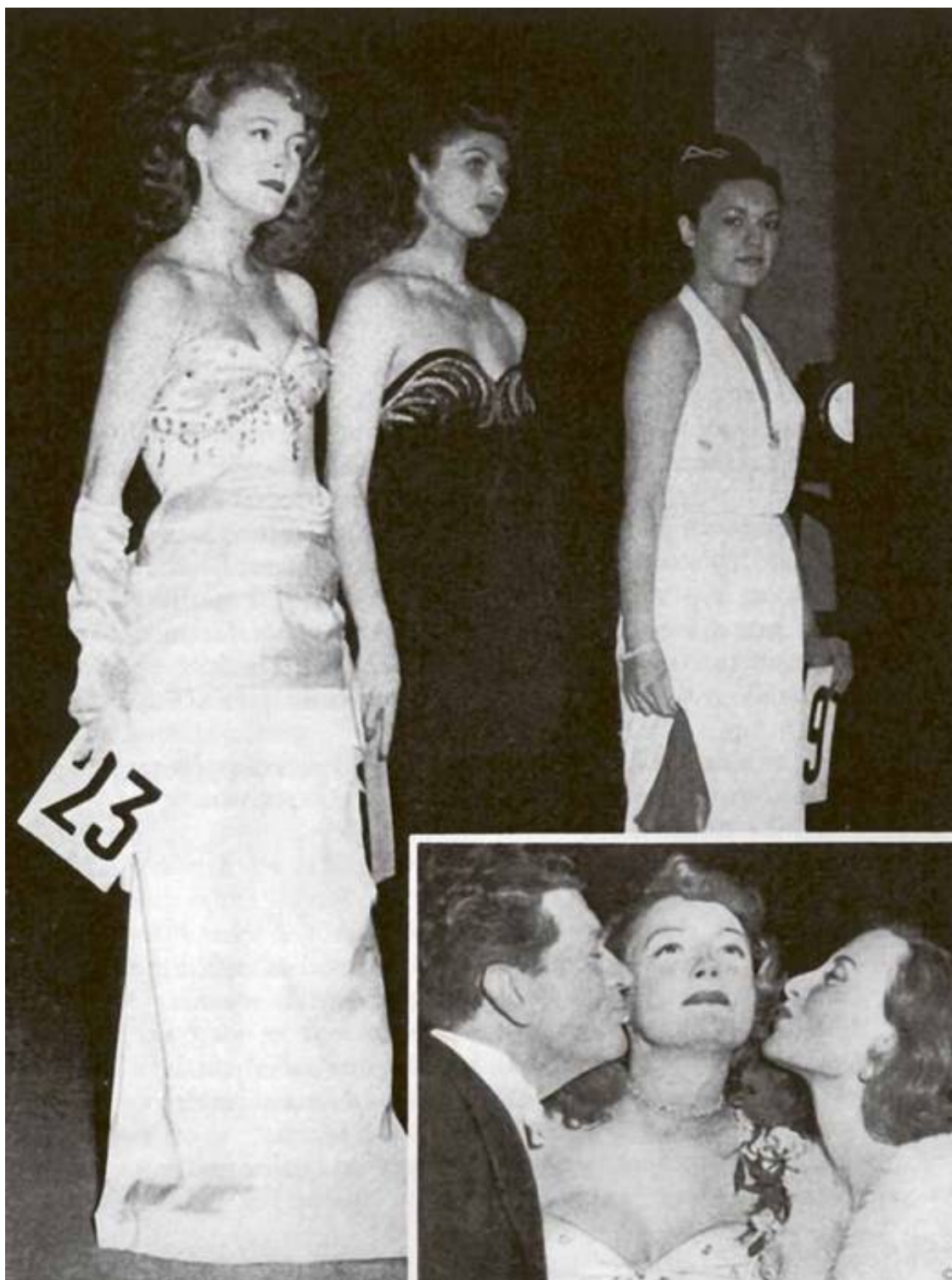
– Первая мадемуазель свиты – мадемуазель Мириам. (Рыжая.)

– Вторая... (Брюнетка разъярена.)

Подходит Мишель Морган¹⁰⁰ с огромным букетом в руках, протягивает мне: «Надеюсь, вы навестите меня в Голливуде».

Я потеряла голос. Только бы не подвели меня к микрофону! Букеты для двух остальных. Брюнетка отказывается принимать свой, бросает его на пол. Ее освистывают. Фотографы не перестают нас снимать. Прежан вновь берет меня за руку: «Вы должны что-нибудь сказать...»

¹⁰⁰ М о р г а н, Мишель (р. 1920) – французская актриса, возлюбленная Жана Габена, победительница в категории «Лучшая актриса» на Каннском фестивале в 1946 г. Фильмы «Набережная туманов» (1938), «Пасторальная симфония» (1946), «Большие маневры» (1955) и др.

**Мисс Синемонд. Три последние конкурсантки
Поздравления Мишель Морган и Альбера Прежана**

Я вся сжимаюсь. Надо! Я выбрана! Издержки титула!

– Я так взволнована, что... Меня назначают послом... Надеюсь быть достойной вас... Я приду сюда после возвращения...

Ухожу с охапками цветов в руках и слышу за кулисами возмущенные крики:

– Какой стыд!

- У нее блат!
- Никакой справедливости!
- Вам не свело живот?

Мать девушки из Бордо бросается ко мне: «С одной стороны, я рада за вас! Но расстроена за свою дочь. Она заслуживала победы. Вы замужем... Теперь и она найдет себе мужа!» Подмостки заполнены звездами. Эдвиж Фейер целует меня.

Жан Деланнуа изучает. Жермена Леконт поздравляет: «Я одену вас для Америки!»

Матери с братьями едва удается пробиться ко мне. Они плачут от радости. Я поднимаю руку Жана-Лу: «Он неплох, мой братец. Смотрите! Это он причесывал меня».

Более часа я остаюсь добычей фотографов. Они снимают меня со всех сторон. Появляется Мишель:

- Присоединяйтесь!
- Нет, нет!

Он хочет увести меня. *Paris-Soir* требует еще один снимок.

Я отвечаю: «Умираю от жажды».

Есть лишь вода *Périer*, я никак не могу напиться.

- Ну что, пошли?

Появляется полицейский: «Это вы мадемуазель Пралин? Если не хотите, чтобы ваши поклонники вас линчевали, сделайте вид, что выходите. И тут же обратно. В бар внизу, видите?!»

Мишель не верит. Отправляется взглянуть. Возвращается: «Шесть полицейских пытаются сдержать толпу. Такси даже не сможет подъехать. Я выйду первым? Ты проскользнешь за мной. Бар – это мысль».

Нас едва не линчевали, как сказал полицейский, друзья, сторонники! Манто разорвано, цветы растерзаны... Мишель исчез в давке... Паника... словно в метро во время бомбежки!

Наконец мы добираемся до бара. Его дверь немедленно запирают. Чернокожий официант тут же просит у меня автограф, а хозяин угощает шампанским.

Последняя примерка Жермены Леконт

Все это пустяки, согласна с вами... Мисс Синемонд не оставит особого следа в истории. Но пока, поверьте мне, я есть некто!

Аплодисменты этой ночи, опережающие или следующие за мной в разных заведениях, речи, произнесенные в микрофон: «Мы имеем честь принимать...»

Мишель, повеселев и чуть возгордившись, также наслаждается минутой славы.

В пять часов утра:

– Послушай, дорогой, ты знаешь, что в 10 часов у Бальмена я показываю коллекцию?

Часть третья

ХIII. Боевые будни

В своей короткой жизни я знала дни и недели необычайной спешки. Скажу даже, что таково ее нормальное течение.

Но такой гонки, как в эти два месяца до отъезда, не упомяну. Бальмена, похоже, немного задела моя победа, для которой не выделил платья:

– Значит, состоялось! Вы довольны? Едете в Америку? Бросаете меня!

– Вовсе нет! Рассчитывайте на меня всегда, когда я буду свободна.

Мои слова его успокоили:

– Кто вас одевает?

– Жермена Леконт. У «Синемонда» договор с ней.

Дзинь! Дзинь! Первый фотограф, требующий, чтобы я явилась в салон.

– Начинается!

А я должна была быть в «Синемонде» в 10.30. Уже полдень.

– Отпустите великую звезду!

– Вернусь во второй половине дня, господин Бальмен!

До работы заскочила к Жаку Фату, чтобы вернуть платье Мисс Синемонд. Хозяина на месте не оказалось. Я встретила с ним лишь через две недели в «Георге V»¹⁰¹, где он дружески помахал мне, сидя за отдаленным столиком.

В первые дни пришлось сотни раз пересказывать события того памятного вечера. Комментарии сводились к трем фразам:

– Мы были уверены!

– Только не задирай нос!

– Будешь сниматься в кино?

Штаб «Синемонда» все еще слегка разочарован:

– Провинция нам еще аукнется!

Вскоре Моклер занимает твердую позицию: «Ты, – говорит он мне, – с твоим хорошим характером, бойкой речью и блеском можешь добиться бешеного успеха!»

Бесси представляет меня моему фотографу. Задание Ривуару (старый знакомый) ни на шаг не отпускать меня. Мне вручают список домов, которым выпала честь – по контракту – нарядить меня!

Жермена Леконт принимает меня любезно, но с холодком:

«Не знаю, подходит ли к вашему типу то, что я делаю. Если согласны, будем сотрудничать». Пресловутый «тип» преследует меня. Неужели его вновь вводят в обиход?

– Хочу, чтобы коллекция вам понравилась.

Стиль Жермены Леконт иной, чем у Бальмена. Он сторонник платьев, обрисовывающих силуэт. У нее платья свободнее, но наше сотрудничество, как она сказала, сотворило чудо.

Вовсе не пустяк довести до ума тридцать платьев, утренних, коктейльных, обеденных и вечерних! Мы поставили себе срок – две недели. Последнее будет мне доставлено в 11 утра накануне моего путешествия.

Черное платье в обтяжку, с воротом из черной тонкой шерсти, облегающее фигуру до колен, а затем широкая юбка типа кринолина, обшитая черным тюлем: «Симфония в черном». Испанское коктейльное платье из черного фая, юбка, обшитая черными раковинами, с декольте

¹⁰¹ Отель и ресторан в Париже.

и кручеными бретельками, начинающимися у плечевых впадин и завязывающимися посредине спины. А что скажете об утреннем коричнево-белом костюме «куриная лапка», с просторным спортивным жакетом и воротом, требующим шарфа? В этом костюме я отправляюсь в путь. Есть еще большое вечернее платье из розового набивного муслина с отделкой из черных кружев (оно мне нравится меньше всего. Но именно оно снискало наибольшее количество похвал).

Теперь к другим поставщикам! Для многих я – «клиент». Большая часть моих заработков обычно уходит в их руки. Десять – двенадцать пар перчаток от Александрины¹⁰², улица Обер. Шесть пар обуви от Казалья¹⁰³, который восхищается моей «маленькой ножкой» (не такая уж и маленькая – 36,5).

Два любезных брата из *Canada Furs* ограничиваются тем, что одалживают мне (это понятно!), во-первых, черное мантио из каракульчи (широкие меховые полосы), к которому небрежно пристегивается болеро из серебристого песца, во-вторых, накидку из белого песца, в-третьих, мантио из коричневого каракуля. И это еще не все! В дополнение прилагается мантио из золотистого мутона.

Maud et Nano создают около десяти шляпок для моих туалетов. Я в восхищении примеряю их:

- Пралин, мы их вам отдадим, но хотим, чтобы вы представили нашу коллекцию в июне.
- Если американцы отпустят меня вовремя.

Сумочки от *Suvian*, нижнее белье (тончайшее!), над которым трудится все предместье Сен-Оноре, четыре дюжины нейлоновых чулок (проект *Sitiba*).

Подумать обо всем! За несколько дней до отъезда выясняется, что у меня нет ни сундука, ни чемоданов, «достойных моих нарядов»! Отправляемся в *Innovation*, где мой титул служит талисманом. Ухожу с большой картонной коробкой, двумя чемоданами, будильником и роскошным сундуком-кабиной – я давно мечтала купить себе такой.

Все это не позволяет расслабиться. Верная обещанию, я не забыла о Бальмене (в разгар летней коллекции), к которому прихожу как на церковную службу с 11 до 12 и с 15 до 18. Победа подняла мою популярность среди продавцов, дистрибьюторов, журналистов. Я ношусь в такси с показа драгоценностей на рекламный фильм.

Мишель, занятый то на съемках, то снова в роли «молодого офицера» в фильме «Сверкающая река» одновременно, как хороший муж, радуется моему бытию через край счастьем и раздражен статусом «мужа Мисс Синемонд».

Его семья проявляет холодность. Моя же, наоборот, радуется новому повороту судьбы, вознесшей меня на небеса. Респектабельность соблюдена, ведь я же замужем! Жан-Лу, поступивший на работу к Антуану¹⁰⁴, пользуется моей популярностью!

Забыла сказать, мы покинули, с сожалением, пансион Маар, где мой успех не повредил великолепному общему согласию. Шампанское в день, когда это стало известно; шампанское в день нашего отъезда.

«Идеальная пара» отбывает!» – мило замечает Габи Брюйер.

Бегут недели, а мы с Мишелем удивляемся, что шум вокруг этого почти шутовского избрания усиливается, а не стихает.

«Мисс» избираются всякие – от Парижа до Лазурного Берега, от Кружев до Чрева Парижа! Множество фотографий красивых девчонок, на которые никто не обращает внима-

¹⁰² Известная с 1920 г. перчаточная фирма в Париже. – Прим. А. Васильева.

¹⁰³ Обувной магазин в Париже в середине XX в. – Прим. А. Васильева.

¹⁰⁴ А н т у а н (наст. имя Антек Черпликовски) (1894–1976) – знаменитый польский парикмахер, открывший в 1912 г. в Париже, на ул. Камбон, известный парикмахерский салон. В 1925 г. основал сеть парикмахерских салонов под названием «Антуан» в США, число которых в 1945 г. достигло 121. – Прим. А. Васильева.

ния. А моя слава уже... пересекает границы. Швейцария, Голландия, Египет продолжают печатать мне дифирамбы.

Начальство из «Синемонда» вместо того, чтобы забыть обо мне, держит в ежовых рукавицах, приносит еженедельно для просмотра десятки коробок с пленками, где запечатлен мой облик.

– Вы работаете над своим английским?

– Эээ... Немного. (Нет дара к языкам!)

– Напрягитесь! Язык окажется вам полезным! Мишель приносит охапки статей:

– Смотри, и американцы туда же. Целое интервью о тебе, сделанное типом, которого я встретил только вчера. Глянь-ка! Какая фотография!

Моя фотография! Больше, чем фотография Шумана!

– Похоже, конкурс был организован вместе с фирмой R. K. O. Значит, «Парамаунт». У этих людей такие средства!

А поддержка! Меня приглашают, вроде таков обычай, на чай в американское посольство. Как зовут посла? Джефферсон Каффри? Да, я где-то читала. Что он мне скажет? А что я ему отвечу? Эта проблема мучит меня весь день, который я провожу с репортером. Ему поручено следовать за мной, вместе с фотографом, «от моего пробуждения до отхода ко сну».

Я гуляю по Парижу не только за покупками, но и захожу туда, где мое присутствие кажется «нужным», к примеру в физкультурный зал Нади Шипиловой и театр «Амбассадор», где делают фотографии Мишеля.

Самым большим потрясением для журналиста станет его неспособность угнаться за мной на «шевроле», когда я на велике уношусь от Бальмена.

Прием в посольстве! Я в платье от «своего» Дома. Моклер, Бесси, репортеры, фотографы сопровождают меня. Короткая остановка в вестибюле, затем появление в гостиной, больше похожей на кабинет. Это и есть кабинет его превосходительства. Сам посол – красивый мужчина, достойный и шикарный.

Париж, прием у Джефферсона Каффри, посла США

Несколько приветственных слов по-английски, на которые я отвечаю в своем стиле. Фотографов становится все больше. Благоприятные кивки головой в мою сторону. Минут через двадцать мистер Джефферсон Каффри удаляется, оставив меня на растерзание полудюжине секретарей посольства, которые тараторят со странным акцентом, но уважительно, сверкая прекрасными зубами.

Моклер у выхода:

– Хоть что-нибудь поняла?

– Увы... ничего!

– Будешь выглядеть идиоткой.

Машина запущена. Двадцать первого числа меня принимает де Голль. Не сам генерал. А глава муниципального совета.

В городской ратуше. Огромные гостиные, множество известных лиц. (И все это ради «мидинетки»!)

Пьер де Голль напоминает мне, что «представлял меня» во время премьеры в «Мари-ньи». Вручает два рукописных письма, которые я должна передать от его имени мэрам Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Просит их перевести для меня, чтобы я знала, что стала посланницей Парижа... И представляю французскую элегантность... «Мы надеемся, что она окажется на высоте своей миссии... Ей поручено передать вам также...»

Платье из креп-сатина голубого цвета, отделанное декоративными лентами, работы Дома моды «Ворт», 1930

Работы Поля Пуаре разного периода

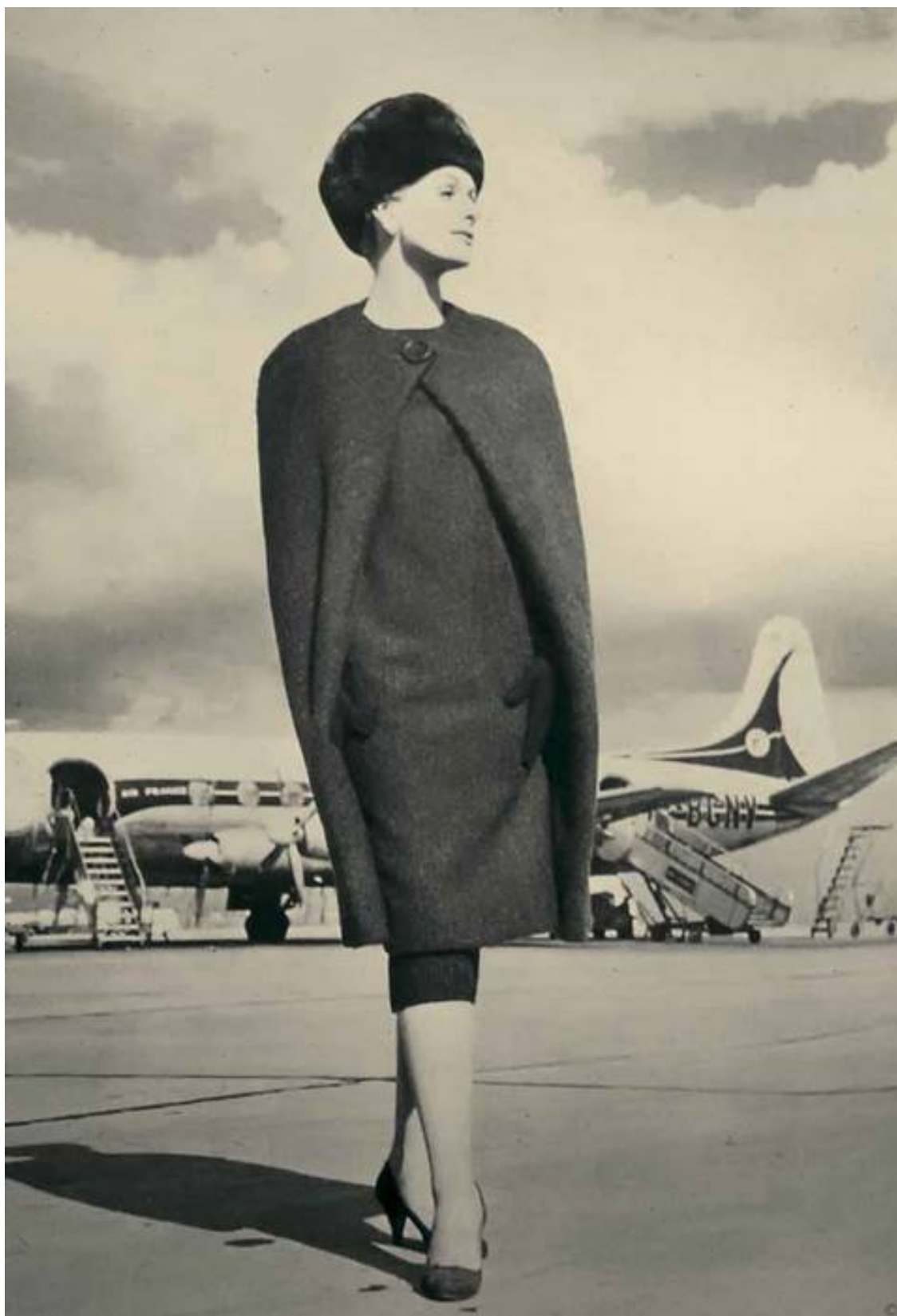
Стиль Мадлен Вионне, 1930

Вечернее платье от Исидора Пакена, 1943

Вечернее платье от Жанны Ланвен, 1955

Ансамбль от Жана Пату, 1957

Вечернее платье от Эльзы Скиапарелли, созданное в сотрудничестве с Сальвадором Дали, 1937

Дамская шляпка от Робера Пиге, 1940

Что именно? Напрягаю слух: «...шампанское “Мутон-Ротшильд”». (Я и так уже обременена чудовищным багажом!)

– Как я его повезу?

– Не беспокойся! – шепчет Бесси. – Всего пять коробок.

– Высотой с меня?

Он поднимает руку на уровень моего плеча. Я в ужасе.

Вижу себя в тот вечер двадцать третьего числа, после последнего безумного дня, когда укрылась в гостиничном номере, похожем на блошинный рынок в разгар переезда. Клод и Мишель помогают собрать мои личные вещи. Запихнуть все, что висит (а это немало!), в чемоданы, картонки, сундук, которые и так уже почти невозможно закрыть! Пять ящиков с шампанским перекрывают вход в ванную комнату. А это еще что за бутылки?

– Опять шампанское, «сувениры» от «Синемонда», которые я должна вручить звездам по своему выбору.

– Жаннин, я часть твоего выбора? – спрашивает Мишель. Он вскрывает одну бутылку, вторую. Мы поднимаем тосты! Этих бутылок мне не хватит. Пусть «Синемонд» никогда об этом не узнает!

На следующее утро вокзал Сен-Лазар, отход поезда в 11 часов, «трансатлантический рейс», о котором я с религиозным пылом читала не раз. Толпа, фотографии, пресса, *Noir et Blanc*, *Point de vue* и десятки других, Моклер, Бесси и прочие.

И все это ради меня? А! И, похоже, ради другого. Ибо господин Франциск Гэ, крупный политический деятель, отбывает в Канаду.

Нас просят позировать рядом друг с другом. «Посланица» рядом с... Это льстит самолюбию! Мишель отходит в сторону. Мама и Жан-Лу приезжают в последнюю минуту, едва успевают на ходу поцеловать меня. Они не присутствовали на съемках.

– Почему, – вздохнет моя мать через несколько месяцев после моего возвращения, – почему люди в Бурже кривятся, поздравляя меня с твоим замужеством?

– Как именно, мама?

– Почему они спрашивают: «Она вышла замуж за этого бородатого старика?» Не понимаю. Мишель ведь молод.

Только позже я наткнусь на подпись: «Посол отбывает в Новый Свет одновременно с Посланицей». Мадам Франциск Гэ! Какая честь!

В Гавре на набережной толпа людей: «Вон она! Мисс Синемонд!»

Репортер: «Ваша фотография сегодня вечером появится в *New York Herald!*»

Пора признаться во всем, я не знаю Ла-Манша! И никогда не видела такого трансатлантического монумента, как пароход «Грасс».

Мы взбираемся по трапу. У меня каюта № 9, суперлюкс. («Синемонд» и Р.К.О. прекрасно знают свое дело!) Меня удивляет запах смолы. Неприятно. Я вспоминаю о горючих материалах. (Эх!)

Комиссар Нафрешу галантен, разрешает Мишелью позавтракать со мной на борту.

Мисс Синемонд имеет право (она одна) осмотреть свой багаж в трюме.

За столом Мишель вглядывается в меня:

– Что с тобой, Жаннин? Меланхолия?

– Дорогой, мы же надолго расстаемся.

А ведь мы привыкли к «До свидания!» Я никогда не признаюсь ему в охватившем меня страхе. Это громадное судно... такое маленькое в море! Те же подмостки! В детстве меня

потрясли катастрофы «Титаника», потом «Лузитании». А если моя звезда погасла? Представляю себе реакцию прессы, фотографии и тексты в черной рамке: «Она ушла в радости...», «Она прошла по жизни...»

Пришел поздороваться капитан. «Посланница...» Я едва слушаю его. Думаю об акулах. Колокол. Последние прощания. Долгое стояние у перил. Мишель на набережной. Его взмахи рукой, воздушные поцелуи. Корабль вздрагивает, но я ничего не замечаю. Он отходит от берега.

Я осталась одна. Маленькая бедная девочка. Незнакомка. Не знаю ни слова по-английски и отправляюсь, чтобы открыть огромную страну, которой нет дела до какой-то блондинки! Денег нет. Плыву на ореховой скорлупке! Жизненные силы покидают меня. Я, десять раз заплутав, добираюсь до своей каюты и долго-долго плачу.

XIV. Нью-Йорк

Плавание проходит без особых событий. Девять дней в море. Чудесная погода, если не считать качки на второй день, подкосившей некоторых пассажиров.

Меня знают как Мисс Синемонд, особо не пристают, вручают цветы от комиссара. Получаю приглашение, «когда мне доставит удовольствие», к столу капитана. Бросаю кости на малых скачках (это не зависимость). Часто ем в одиночестве. Иногда вместе с испанским семейством с тремя надоедливymi детьми, которых мать отправляется укладывать спать во время десерта, что позволяет мужу проявлять ко мне подчеркнутое внимание. (Испанцы неравнодушны ко мне!)

Долгие прогулки по палубе быстрым шагом. Шутки, характерные для всех широт: «Вы сходите на следующей?» Встреча с Фернандо Боском (я знакома только с ним!), художественным директором *l'Art et la Mode*. Очарователен, остроумен. И его знаменитый акцент: «Это же чудо!»

Юный отпрыск Франциска Гэ тайно ухаживает за мной. А также «большой скромник» – он быстро обнаглеет, – сын бывшего министра, «покончившего с собой». (Саленгро? У него другое имя.) Хорошо танцует. Тщетно пытается увлечь меня в спортзал. Я ненавижу коллективную гимнастику, но никогда не забываю размяться после пробуждения.

Кто еще? Обувщик Пинэ¹⁰⁵ как-то за ужином приглашает меня за свой столик. Как и представитель коньяков «Хенесси». В знак благодарности даю обед, в завершение которого открываю (в полной беззаботности!) одну из пресловутых бутылок шампанского, которое везу с собой для передачи. Будь что будет!

Утром девятого дня суета в связи со скорым прибытием, всеобщие поздравления. Моя сумочка пухнет от визиток:

- До скорого!
- Мы свяжемся с вами!
- Не забудьте о встрече!
- Организуем коктейль в вашу честь!

(Я больше никогда не встречусь с этими людьми.)

Проходим мимо статуи Свободы. В тумане вырисовывается Нью-Йорк со своими небоскребами, ставшими привычными по кино. К нам подплывает крохотное суденышко. В бинокль вижу, что оно забито фотографами.

- Ради Франциска Гэ и вас. Комиссар добавляет.
- Не двигайтесь.

¹⁰⁵ П и н э, Франсуа – знаменитый французский производитель высококачественной обуви для женщин и детей, в 1864 г. открыл свой магазин. В честь него в русском языке появился в 1920-х гг. термин «пинетки». Фирма по выпуску обуви закрылась в конце XX в. – Прим. А. Васильева.

Вскоре включается бортовой динамик:

– Миссис Марсэ просят пройти в каюту капитана.

Я немного побаиваюсь, хотя горжусь, что уже не «просто человек».

Первый американец на бегу хватается за поручень рядом со мной и, задыхаясь, представляется: «Мистер Пренс».

Понимаю, что он представитель R.K.O. Едва-едва владеет французским. Приехали! За ним следует толпа фотографов, киношников и носителей необычных аппаратов, ручки которых они крутят, со вспышками.

Репортеры и интервьюеры говорят все одновременно. Я собираю все свои знания английского: «Sorry. But I don't speak English»¹⁰⁶. Все разом застывают. Поражены! Неужели бросят меня? Нет! Профессиональный долг! Они обрушиваются на меня с новыми требованиями. Вновь осыпают вопросами, трогают мою одежду. Приходится защищаться от тех, кто пытается схватить меня за колени. Мистера Пренса не видно и не слышно. Так продолжается три часа. Три часа! С ума сойти можно! Меня больше всего заботит багаж.

Потом, как по сигналу, мои мучители исчезают. Мистер Пренс ведет меня на таможенную, ее считают здесь свирепой, но у меня письма от «французских властей». Таможня любезно склоняется в поклоне.

Меня поселили в гостинице «Уолдорф Астория» на 24-м этаже (24-м!). В сверхскоростном лифте у меня после одиннадцатого этажа начинает звенеть в ушах. Апартаменты заказаны R.K.O. Мистер Пренс должен заполнить многочисленные формуляры и дожидаться разрешения принять меня с почестями.

Короткий вестибюль переходит в студию, заполненную цветами и скрытыми и открытыми лампами. Не говорю уже о корзинах с фруктами. Императорская спальня сообщается с ванной комнатой с множеством сложных приборов.

(Придется потратить немало времени, чтобы понять, что некое туалетное устройство расположено в ванной, а шкафчики набиты мылом, салфетками для снятия грима и прочим.)

¹⁰⁶ Простите. Я не говорю по-английски (англ.). – Прим. пер.

Прибытие в Нью-Йорк

Мистер Пренс оставляет меня. Тут же звонит телефон, в трубку я могу повторять лишь: «Sorry... I don't...» – и обреченно тряхи головой. Вешаю трубку.

Эка важность! Жизнь прекрасна! Я напеваю, меняя туалет. Сундук-кабина уже прибыл. Коробки с шампанским едва заметны в этом огромном пространстве. Все, на что я надеялась! Меня принимают как звезду.

Обед в ресторане-дансинге «Сторк-Клаб». Меня сопровождает мистер Пренс. Я не без удивления вижу на экране телевизора... прибытие «Грасса», идущего пока далеко в море. Высадка Франциска Гэ. Потом... надо же! Нет? Это же я! Пралин на палубе, Пралин в каюте капитана. Мистер Пренс представляется ей. Она выдерживает натиск фотографов. Она возвращается в свою каюту. Ее багаж проходит таможеню. Телевизионная камера, похоже, следовала за мной по пятам! Если бы я знала! Хорошо еще, что я выкрутилась без особых потерь!

– Хотите потанцевать? У вас есть бой?

– Может быть.

Пытаюсь по телефону связаться с кем-нибудь из корабельных псевдоухажеров. Ни один не отвечает! Дозваниваюсь до Фернандо Боска. Он приедет!

Я почти не ощущаю, что попала в другую страну, с удовольствием перекидываюсь несколькими словами с одним из официантов бара, чистокровным бельвильцем, невероятно счастливым, как говорит, от своего пребывания в Нью-Йорке, где есть работа. В демократической стране! Доказательство – он угощает нас! (Видели ли вы такое в «Фуке»!¹⁰⁷) Возвращаюсь, чтобы переодеться. Вечернее платье и плащ из белого песка. Я «прекрасна». Вечер заканчивается в «Клубе 21» (вроде «Максима», но закрытый), где я наконец знакомлюсь с очаровательной миссис Пренс. Фернандо Боск, во фраке и с орхидеей в петлице, присоединяется к нам. Танцы, шампанское. Звездная ночь.

¹⁰⁷ Ресторан в Париже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.